

Роман Буревой

Император Валгаллы

Роман Буревой
Император Валгаллы
Серия «Врата войны», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140893

Роман Буревой Император Валгаллы: АСТ; Астрель-СПб; Москва;

Аннотация

Земля после Третьей Мировой войны. В обновленном мире больше нет места агрессивности и жестокости. Это новый Эдем, однако многим он пресен и скучен. Все изменилось, когда были найдены загадочные Врата. За ними – иная Вселенная, и это – настоящий ад. Надеясь раскрыть тайну Врат за Врата в Дикая мир отправляется ведущий Интернет-портала Виктор Ланьер. В Диком мире Виктор сталкивается с загадочной Валгаллой – империей, готовой поработить оба мира. И только один человек может помочь Виктору в борьбе с Валгаллой – его отец Поль, много лет назад ушедший в Дикая мир...

Содержание

Война	5
1	5
2	8
3	10
4	19
Мир	25
1	25
2	33
3	38
4	43
Война	47
1	47
2	52
3	55
4	60
5	65
6	67
7	72
8	79
9	90
10	94
Мир	98
1	98

2	105
3	108
Интермедия	116
1	116
2	121
Война	124
1	124
2	128
3	131
4	132
5	138
Мир	141
1	141
2	144
3	148
Война	149
1	149
2	152
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Роман Буревой

Император Валгаллы

Война

Глава 1

1

Виктор проснулся еще до того, как ударил колокол на башне – то есть до условного рассвета. За окном – привычный серый полумрак, по-прежнему ни дня, ни ночи. Предметы едва различимы и лишены даже намек на цвет, как будто изображение перевели в черно-белый режим.

В первый момент Виктор подумал, что спал у себя дома, в обветшалом особняке, когда-то принадлежавшем писателю Хомушкину. Но вместо узорных деревянных панелей на потолке увидел каменную, подернутую сероватым налетом кладку, и сразу вспомнил, что он остался в Диком мире до весны. Сейчас он в крепости, числится помощником у хозяйина, и накануне вечером поссорился с Хьюго. Нет, не так. Поссорился – слишком мягкое слово. Они сцепились, едва не прикончили друг друга, и Виктор прострелил начальнику

охраны ногу.

Утром вчерашняя ссора показалось нелепой, подстроеной, и неизбежно возникал вопрос: подстроена кем?

«Сегодня меня изгонят, – думал Виктор, одеваясь. – Возможно, под благовидным предлогом. Дадут поручение, ушлют в моргал. Или отправят в замок в распоряжение герцогини. Бурлаков понимает: если оставить меня в крепости, это плохо кончится. Либо я прикончу Хьюго, либо охранник выпустит из меня кишки».

Освещая себе дорогу вечным фонарем (светильники на ночь в коридорах выключали), Виктор спустился на первый этаж. С кухни тянуло свежеиспеченным хлебом. Одурачивший, почти забытый аромат. Виктор проглотил слюну.

Он шел не торопясь. Шаги отдавались под сводами. Но кроме эха слышался невнятный шорох. Кто-то крался, почти бесшумно, но только – почти. Виктор обернулся, рванул из кобуры пистолет. Но недостаточно быстро: в грудь ему уперся чужой ствол.

– Тихо, – сказал преследователь. – Свои.

– Каланжо? – Виктор перевел дыхание. Кружок света от вечного фонаря обозначил коренастую фигуру. – Что ты делаешь? Шпионишь? В чью пользу?

– Просто иду следом, охраняю тебя, дурака.

– Зачем? – Виктор спрятал «Беретту». Каланжо последовал его примеру и убрал свой пистолет.

– После вчерашнего милого разговора с господином Хью-

го охрана тебе не повредит.

– Я иду в госпиталь. Хочешь туда вернуться?

– Не стремлюсь. Передай от меня привет Терри. Я подожду где-нибудь поблизости.

Каланжо приоткрыл ближайшую дверь и исчез.

2

Терри уже поднялась, чтобы приготовить раненых для новой экспедиции в моргал – тех, кто не успел окончательно излечиться во время первой поездки. Ей помогала Теа. В синеватом свете вечной лампы хрупкая девушка еще больше походила на эльфа. Виктор заметил голубые тени у нее на веках, на губах – бледного оттенка помаду. Хочет кому-то понравиться.

– Что случилось, Виктор Павлович? – забеспокоилась Теа. – Вам нужна помощь?

– Просто необходима. Таблетка аспирина и один поцелуй.

– Если вы явились просто потрепаться, мсье Ланьер, то забирайте аспирин и не мешайте работать, – не очень вежливо ответила Терри за девушку.

– Хьюго был у тебя? – спросил Виктор. – Просил заштопать?

– Каланжо полчаса назад спрашивал о том же, теперь ты пожаловал. Сплетни распространяются быстро. Хочешь узнать, что произошло?

– Официальное заявление? Можешь озвучить.

– Он чистил пистолет и по неосторожности прострелил себе ногу.

– Тебе его рассказ не показался странным? – Ланьер усмехнулся.

– Тебя это не касается, – отрезала Терри.

Похоже, она не собиралась относиться к нему уважительно, как ко второму или хотя бы третьему человеку в крепости.

– А я, напротив, уверен, что касается. Причем не только меня, но и всех нас. Повезешь беднягу лечиться в моргал?

– Нет. Хьюго отказался: он никогда не покидает крепость.

– В крепости раны плохо заживают, – напомнил Виктор. – Простой порез может кровоточить до весны.

– Это его дело, – отрезала Терри.

«Бам», – ударил колокол на башне. Утро. Включились электрические лампы в коридорах, захлопали двери. Во дворе послышались голоса: обитатели крепости спешили к колодцу.

– Еще один вопрос, последний. Ты на моей стороне? – спросил Виктор.

– Я – врач, – услышал ответ.

«Черт, не нравится мне игра в нейтралитет. Нельзя любить всех, если ты не Бог. Впрочем, как показывает история, Всемогущий готов пролить свою милость далеко не на каждого!»

3

Утро, это когда бьет колокол. И все «крепостные» (дурацкое слово, но, если вдуматься, отражает суть вещей) торопятся заглянуть на кухню.

Там пахнет свежим хлебом и кофе, там полно народу.

Но до кухни Виктор так и не добрался: Том перехватил по дороге.

– Господин Ланьер, вас хочет видеть генерал у себя в кабинете. Срочно.

«Ага! – мысленно воскликнул Виктор. – Хьюго уже пожаловался!»

Ланьер полагал, что начальник охраны тоже будет присутствовать при разговоре, но ошибся – генерал ожидал его у себя в кабинете один.

Комната эта совершенно не походила на обиталище командира. Небольшая, тесно заставленная, она скорее напоминала жилище интеллектуала-отшельника, который любит уют, книги и одиночество. У окна помещался дубовый стол необъятных размеров, на столе несколько толстенных книг, лист бумаги, пара ручек – и все. Два деревянных кресла были укрыты пушистыми пледами, чтобы укутаться в холод. Стену украшал гобелен. Нигде ни одной карты; ни единого намека на то, что это кабинет хозяина крепости, что крепость обороняют, что идет война.

За дверью тихо позвякивали серебряные колокольцы: это бессмертники, постоянные обитатели крепости, проходили по коридору.

– Садитесь, Виктор Павлович, – Бурлаков указал на кресло. – У нас серьезные проблемы.

– Что стряслось? На нас снова напали?

– Нет-нет, ничего подобного, – Бурлаков улыбнулся. – Дело в другом: как всегда зимой у нас недостаток припасов. Обычно этими вопросами занимался герцог. У него даже свой отряд был создан. Но герцог ушел за врата.

– Вместе с отрядом?

– Вам его люди не подойдут. К тому же они остались охранять владения герцога. Наберите себе помощников из новичков. Я дам вам проводника, который знает здесь все дороги – даже в мортале.

– Кого именно?

– Рафаэля Ланьера.

– Братец? Он же мальчишка. Какой из него проводник по Дикому миру? Приманкой для медведей служить?

– Ему двадцать три года, – сказал Бурлаков совершенно серьезно. – И Рафу незачем сидеть в крепости – парню давно пора подрасти. Раф знает, где искать брошенные припасы или временные склады. Он многое знает, но его не воспринимают всерьез. Это его недостаток и одновременно – преимущество.

– Если честно, я этому малышу не доверяю. Он слишком

манерный, ненастоящий какой-то.

– У вас есть какие-то факты или одни слова?

– Эмпатия.

– Любимое словечко вашего отца. – Голос Бурлакова сделался холоден. – Займитесь продовольствием. И возьмите с собой Рафа.

– Мы что, будем соревноваться с марами?

– Считайте, что так. Вас это смущает?

Виктор вспомнил вчерашний разговор с Хьюго. Все получилось именно так, как предрекал начальник охраны: слишком много людей в крепости, нехватка продуктов, жалкое выживание до весны. На самом деле все выглядело еще более убого: ребенок-проводник и командир-дилетант отправляются на поиски продовольствия неведомо куда.

«Все не так, как на самом деле», – любил повторять Гремучка. Надо быть честным хотя бы с собой: его просто выгоняют под благовидным предлогом – и только.

Явился Том, принес поднос с кофейником и двумя чашками, белый хлеб, еще теплый, ломти были намазаны маслом, оно слегка подтаяло, пропитало рыхлую мякоть.

– Томас, ты забыл сливки, – напомнил генерал.

– Ах да, конечно! – Том хлопнул себя ладонью по лбу и убежал.

– Сливки? Разве мы держим в крепости корову? – удивился Ланьер.

– Молоко и сливки привозят из деревни. Мы храним их в

подвале башни. Они там долго не портятся.

Виктор взял ломоть хлеба, откусил. О, Господи! Как хорошо-то! Никогда прежде хлеб не казался ему таким вкусным.

– Подождите... Я еще не отдал распоряжения! – генерал вдруг нетерпеливо махнул рукой.

– О чем вы? – не понял Виктор. Ему показалось, что в этот миг генерал вообще разговаривает не с ним.

Бурлаков смутился.

– Я имею в виду, что не все еще решено на счет экспедиции... – он явно сфальшивил (это если говорить вежливо).

– Вы же хотели оставить меня в крепости, – напомнил Виктор. – Чтобы я занимался вновь прибывшими и противостоял Хьюго.

– Противостоял Хьюго? – Бурлаков старательно изобразил удивление. – С чего вы взяли? На счет Хьюго это вы все придумали. Начальник охраны – серьезный и преданный человек. И потом, я сам пока остаюсь в крепости.

«Ага! – Виктор усмехнулся. – Кажется, генерал боится своего охранника. Только не хочет этого показать».

– Мудрое решение, – Виктор сделал паузу, ожидая, что Бурлаков захочет что-то добавить.

Например, спросит, что думает Ланьер о планах Хьюго. Или поинтересуется, кто прострелил охраннику ногу. Или...

Но Бурлаков лишь сказал:

– В этом году игры «синих» и «красных» больше походили на хаос. Много отставших, много брошенных раненых, и

очень много маров. Нам предстоит очень трудная зима.

– Голодать в этом мире – странно. Я видел, как весной на нерест летом шел здешний лосось. Можно было поставить палку в воду, и она не падала, плыла, словно мачта огромного плота. Рыбу ловили «дергалкой» – закидывали палку с веревками и крючками без всякой наживки и вытаскивали на берег. Помню, Валюшка схватила одну рыбину на руки, а она стала метать икру. Икринки алыми бусинами сыпались на песок. Валюшка бросила рыбину и стала собирать с песка красные живые четки. Этот мир кипит жизнью.

– Но вы же ничего не запасали, – заметил сухо Бурлаков. – Вы расхищали сокровища. Так что придется теперь ехать побираться, добывать. Прошу вас, будьте осторожны.

– Могу я взять своих людей – тех, что пришли со мной? Я знаю, кто на что способен. Мне будет с ними проще.

– Кого именно?

– Рuzгина, Димаша, Каланжо.

– Рuzгин и Каланжо не подойдут. Рuzгин – надежный парень, но Хьюго зачислил его в охрану крепости. Каланжо мне нужен самому в ваше отсутствие. Димаша возьмите.

– Каланжо я здесь не оставляю.

– Это почему же?

– Он поссорился с Хьюго.

Бурлаков нахмурился. Помолчал.

– Ну что вы все твердите: «Хьюго, Хьюго, Хьюго»! Ладно, берите Каланжо! – Генерал явно был недоволен: Виктор пу-

тал его планы. Ланьер всегда был неудобен, для любого начальства. Открыто не бунтовал, но все делал по-своему. Это у него получалось само собой, – иначе он не умел.

– Еще один человек нужен. Ян Форак. – Виктор сделал вид, что не замечает раздраженного тона хозяина.

– Нет, Форака не дам. Он еще не поправился. И потом – ему лучше остаться в крепости. Не бойтесь, я лично за ним присмотрю. Хьюго его и пальцем не тронет.

– Вам скоро придется каждого от вашего Хьюго охранять. Боюсь, не уследите.

– Вы не знаете, чем я ему обязан.

– Расскажите. Неужели он спас вам жизнь? Или что-то в этом роде?

– Почти угадали: что-то в этом роде, – Бурлаков ясно давал понять, что обсуждать достоинства или недостатки Хьюго он не собирается.

– Вы его боитесь? Невольно теряетесь перед ним? – Виктор сознательно злил генерала.

– Чем он вам так досадил? – Хозяин крепости не собирался поддаваться на провокацию.

– Мы с ним враги.

– Вы берете крайности.

– Значит дружба – нечто среднее?

– Нет. И закончим наш разговор о Хьюго. Поговорим о предстоящей экспедиции, – голос Бурлакова сделался ледяным, возражать и насмешничать сразу расхотелось.

– Хорошо. Надеюсь, тут вы будете более откровенны. На чем мы поедем?

Бурлаков улыбнулся. Лукаво и торжествующе. В этот миг он походил на Мефистофеля, который собрался купить человеческую душу.

– Я дам вам вездеход вашего отца. Это удивительная машина. Герцог сам ее модернизировал. Она довольна большая, в замок по горной дороге ей не проехать. Поэтому герцог держит ее в крепости.

– Чем же она так удивительна? Я, признаться, немало вездеходов повидал, пока порталил, – и на той стороне, и на этой.

Ланьеру показалось, что в этот миг едва уловимая тень скользнула по комнате. Он обернулся. Окинул взглядом шкаф, похожее на бойницу окно. Окно... Что-то там проскользнуло за окном. Тень большой птицы? Похоже. Правда, сам Ланьер прежде не видел рядом с крепостью ни одной птицы. Похоже, они облетают ее стороной.

– На этом вездеходе можно проехать через любой портал, – сказал Бурлаков. – Вам понадобятся механик и водитель. Лучше всего для этой роли подойдет Том, он помогал герцогу переделывать машину.

«Любой портал! – едва не выкрикнул Виктор. – Если бы Арутян достал такую машину для экспедиции, мы бы добрались до Валгаллы, и тогда бы не понадобилась эта зимовка! К сожалению, в нужный момент ни нужных людей, ни нуж-

ных вещей никогда не оказывается под рукой».

– Том совсем еще мальчишка. Он справится? – усомнился Ланьер.

– Ему семнадцать.

– Оружие дадите?

– Автоматы, винтовки, гранаты можете брать в караульне – я велел приготовить. Гранаты только парализующие. Патронов возьмите побольше, не только для стрельбы. Это у нас валюта. За все припасы придется платить патронами. И вот еще что, это моя личная просьба, отнеситесь к ней внимательно: будут вас за герцога принимать, не отрекайтесь. Своих людей предупредите: вы – герцог за воротами крепости. Пусть в деревнях думают, что Поль Ланьер за врата не уходил, что он, как всегда, охраняет дороги и перевал в Лысых горах или обследует плато Недоступности. Одно его имя многое сделать может!

– Послушайте, Григорий Иванович... – Виктор подался вперед.

– Не надо! – Бурлаков предостерегающе поднял руку. – Ничего не говорите. Ничего! – Похоже, он был уверен, что их слышат.

Однако заставить Виктора замолчать было трудно:

– Григорий Иванович, послушайте, я знаю одно место, где можно укрыться. Там есть склад, припасы, вокруг никого. Бросьте крепость. Пусть здесь Хьюго распоряжается, сколько влезет. Уйдем в мое убежище и людей уведем.

– Молчите! – повысил голос Бурлаков. Кажется, впервые за все время. – Крепость я не отдам никому. Ни вам, ни герцогу, ни Хьюго. Я столько лет ее создавал. Она – моя, и только моя. Идите! – Голос его сорвался и задрожал совершенно по-стариковски. Разгневался Григорий Иванович не на шутку.

Однако Виктора не так-то просто было смутить.

– Здесь идет какая-то игра – я это чувствую. И вам не все тайны известны.

– Как и вам, – сухо отвечал Бурлаков, стараясь на Виктора не смотреть.

– Я восхищаюсь тем, что вы делаете, но ваши методы меня настораживают.

– Идите! – вновь оборвал его Бурлаков. – И если хотите мне помочь, исполните то, о чем я вас прошу. И только! Без самодеятельности.

Народ в крепость все прибывал. Подходили люди из деревни пасиков. Охрана их обыскивала, хотя и не так рьяно, как прежде. Хьюго не появлялся.

«Сторожевой пес зализывает рану», – усмехнулся про себя Ланьер.

Новички обустроивались, кричали, делили помещения. Сделалось тесно, суетно, то и дело вспыхивали ссоры.

– Я говорил, надо строить вокруг крепости посад! Посад! – размахивал руками немолодой мужчина. Всклокоченная седая борода его торчала на сторону. Когда он говорил, то странно двигал челюстями и пришептывал по-стариковски. Виктор не сразу догадался, что у мужика во рту нет ни единого зуба. А ведь на вид ему было не больше сорока. Судя по всему, не один год провел он в Диком мире.

– Опять придурков насобирали по дорогам, – пробормотал второй, поглядывая на стоявшего у колодца Димаша без всякой приязни.

– Если кто Ксюшу тронет, убью! – громко объявил беззубый.

Виктор наблюдал за царящей в крепости анархией, автоматически фиксируя в мозгу каждую фразу. Слова Хьюго опять подтверждались. Виктор почти ощущал запах страха, витающий в воздухе. Атмосфера дружелюбия, заморозив-

шая Ланьера в первый вечер, быстро улетучивалась. Удастся ли Бурлакову переломить ситуацию?

Герцогиня стояла на нижней ступени крыльца и наблюдала за этой суетой с презрительной и отстраненной улыбкой. Взгляд ее скользил по лицам, порой задерживался, но ненадолго: похоже, она пыталась отыскать кого-то в толпе.

Виктор поклонился мачехе.

– Может, все-таки передумаете и поедете со мной в замок? – спросила она, не глядя на Ланьера. Ехидная улыбка тронула ее губы, но тут же исчезла.

Теперь Виктор был уверен, что нужен этой даме для какого-то очередного хода в игре – и только.

– Узнаете много, очень много интересного, – пообещала Кори.

– Предпочту оставаться в неведении, – Виктор вновь поклонился.

– Еще пожалее! – Она повернулась. Шлейф ее платья смел мусор, набросанный на плитах двора.

Со спины она выглядела старой, сутулой, обрюзгшей. Раф выбежал из дверей, в два прыжка слетел с крыльца, мимо матери проскочил, как мимо чужой женщины. Она хотела его задержать, протянула руку, но он увернулся.

– Ну что, помчались? – весело спросил Раф у Ланьера.

Мальчишка был одет для дальней дороги – в кожаной курточке, подбитой мехом, и в кожаных штанах. Мягкие, отороченные мехом сапожки облегли его крошечные ноги. Ша-

почка, украшенная пестрым пером, была лихо сдвинута набок, мягкие локоны спускались на плечи. Лилипут, безбородый гном, – не ребенок. Виктору сделалось не по себе.

– Откуда ты знаешь про экспедицию?

– Мне уже сказали, – объявил Раф. – Я назначен проводником. Не бойтесь, проведу, куда надо, в лучшем виде. Все дороги знаю. В какую деревню можно заходить, в какую нельзя, скажу. Где дешевле хлеб прикупить, а где растят самую лучшую картошку. Хлеб, кстати, очень дорог. Мы его не покупаем. К тому же весной в крепость прислали целый контейнер сухарей. До весны нам хватит.

– Кто прислал? – не понял Виктор.

– Зимовщики. Они у нас тут приютились на три месяца, потом уехали. Уходя, все обещают что-нибудь прислать. Плачут, обнимаются, многие генералу руки целуют.

– И что? Многие присылают припасы?

– Случается, благодарят за зимовку. Но далеко не всегда. Если кто возвращается в Дикий мир, те зачастую привозят продукты. А кто ушел и не вернулся – редко беспокоятся, чтобы нам сухариков прислать с конвоем. У нас в этом году людей больше, чем обычно. Рацион к весне придется урезать.

– Как я погляжу, ты в курсе всех дел.

– Я – один из здешних долгожителей. Генерал сказал, что вы – мой брат. Только родились по ту сторону врат.

Виктор смотрел на мальчишку, пытаясь отыскать в его ли-

це сходство с отцом, вернее, с той плоской фотографией, что хранилась у матери. Нос, во всяком случае, такой, как у всех Ланьеров, в том числе и у деда – с горбинкой. Глаза темные. Но, пожалуй, на этом сходство и заканчивалось: подбородок у мальчишки почти совсем отсутствовал, отчего Раф казался еще младше.

– Видимо, так, – сказал Виктор. – Но учти: я только позавчера узнал, что мой отец жив. Так что не спеши обниматься.

– Очень надо!

– Что тебя злит, малыш? Ты так и шипишь – точь-в-точь сковородка с маслом на огне.

– Я не малыш! Не смей меня так называть! – Раф гордо вскинул голову. Но при этом смотрел на Виктора снизу вверх, едва доставая макушкой до локтя. – На самом деле мне двадцать три по вашему исчислению. Я слишком много времени провел в крепости и замке.

Виктор вытащил из кармана сложенную в несколько раз карту, развернул, указал на черное пятно с белым кружком в центре.

– Что здесь?

Раф небрежно глянул и тут же сообщил:

– Ловушка. Туда лучше не соваться, обойти стороной. В этом лесу повсюду ловушки. Можно спечься за несколько часов. Слышали про такое?

– Даже на вездеходе герцога?

– Я тебя туда не пущу! – решительным тоном заявил Раф.

– Значит, проехать можно?

– Лучше не пытаться.

– Что внутри этого пятна?

– Мы туда не пойдем. – Раф явно не хотел говорить на эту тему.

– Куда это вы собрались? Можно узнать? – Хьюго возник за их спинами.

Вытянул шею, глянул, заметил карту, мортал, обозначенный фиолетовым, и черную кляксу с белым пятном посредине.

– Что вы ищите? Проход через мортал?

– Хотите помочь? Только как? – Виктор демонстративно спрятал карту. – Говорят, вы не покидаете крепость.

– Вас интересует дорога в Валгаллу? Так ведь? – Хьюго пытался смотреть свысока на Ланьера, даже чуть привставал на носки.

– Мне плевать на Валгаллу, – зачем-то неуклюже соврал Ланьер.

– Ха! Плевать? Как же! – хмыкнул Хьюго.

– А вам бы не мешало заехать в мортал. Говорят, вы случайно ногу повредили, – участливо поинтересовался Виктор. – Как же так? Неужели с оружием обращаться не научились?

Хьюго отпрянул, как будто Виктор его ударил. Прихрамывая, отошел к самым воротам. И лишь там остановился.

– Ты знаешь, чем Григорий Иванович обязан Хьюго? –

спросил Виктор у брата шепотом, следя при этом за начальником охраны, чтобы тот не совершил еще один прорыв и выход за спину.

– Понятия не имею. Но одно ясно: Бурлаков его лелеет, – принялся рассуждать Раф.

– Начальник охраны давно в крепости?

– Не очень. С прошлой осени.

– Всего-то?! Только год? А я думал – уже лет десять.

– Он затмил остальных.

– Что затмил – я вижу. Присосался, будто клещ, не выдрать. Но почему так обласкан и приближен?

– Потому что – идеальный исполнитель, – так же шепотом отвечал Раф. – Григорий Иванович не любит, когда ему перечат. Они с отцом из-за этого не ладили.

– Из-за чего наши старожилы поссорились? – спросил Виктор.

– Они не ссорились, – отозвался Раф. – Они отделились.

Хьюго. Это имя звучало как ответ на заданный вопрос. Возможно, Ланьер и Бурлаков ссорились и прежде, но с появлением начальника охраны два товарища уже не могли переносить друг друга.

«Простая версия, – подумал Виктор. – Я не доверяю простым версиям».

Мир

Глава 2

1

Виндексы (то есть защитники) – особое братство. У них свой сленг, свои поговорки, свои знаки. «Виндекс защищает весь мир, но самого виндекса защитит только виндекс», – это присказка новичка. Старый, умудренный защитник скажет иначе: «Виндекс прикрывает задницу ближнему, а его самого защитить некому». А вот еще поговорка, довольно старая: «Виндексы – кровельщики. У человечества постоянно едет крыша. Виндексы ее чинят, пока сами не сойдут с ума».

Защитники никогда не отдадут честь, как военные, и демонстративно пренебрегают уставом. Шутки их довольно грубы, но это часть обязательного ритуала. Виндекс, который разучился шутить, уже не виндекс. У них свои каналы связи, свои коды, обмен новостями. У каждого кличка, иногда она известна только посвященным. Любую попытку контроля они воспринимают как оскорбление. И еще их объединяет ненависть: виндексы ненавидят врата, год за годом добиваются их закрытия. «Завратный мир – отвратный мир», – повторяют защитники неустанно.

И еще:

«У каждого свой мир! Кто хочет уйти, пусть уходит. Зачем возвращаться назад?»

«Выбери мир для себя, нельзя в одном мире жрать, а в другом – гадить».

Если к виндексу обращаются за помощью, он не может отказать. Обычные люди пользуются этим, порой беззащитно. Но многие относятся к виндексам с предубеждением. Поразительные способности защитников настораживают. «Виндекс спасает тело, забирает душу», – существует и такое мнение. Ходят упорные слухи: виндекс, приходя на помощь, получает над спасенным таинственную власть. Поэтому многие предпочитают иметь дело с обычной полицией или с платными спасателями.

Алена тоже побаивалась защитников.

«Власть над душой – абсолютная власть», – говорил Виктор.

Глядя на Артема Лисова, она испытывала то ли тревогу, то ли безотчетный страх. Порой ей казалось, что Артем ее гипнотизирует.

«Я делаю все это ради спасения Виктора», – повторяла Алена как заклинание. В этой фразе каждое слово было ложью. Не ради жениха она помчалась искать Артема, и не Виктора пыталась спасти. Слова «все это» могли трактоваться как угодно широко.

К счастью, виндексы еще не научились слышать чужие

мысли. Артем думал, что помогает брату. Отлично. Пусть и дальше так считает.

– У меня дома оставаться опасно, – сказал Лисов Алене. – Отправимся в ближайшее управление виндов. Виктор влип в какую-то мерзкую историю, что и не удивительно. Портальщик! Что мир под колпаком, мы это знали давно. Но кто слушает виндекса?

– У кого под колпаком? – не поняла Алена.

– Прежде всего – у стражей врат. Они подменили собой Мировое правительство. Уверен – это они накрыли колпаком вашего пришельца с другой стороны. Накрыли и опекают. А он воображает, что может делать все, что захочет. Глупец!

– Послушайте, Артем... если честно... я не сказала вам одну вещь. Поль предупредил меня. Попросил, чтобы его не искали. Видимо, он знал о грозящей опасности.

– Что ж ты молчала, дура? – Артем произнес эти слова спокойно, почти без злости. Разве что с презрением. – Я только в последний момент почувствовал – что-то не так!

Алена опешила от подобной грубости – за все время их знакомства Виктор ни разу не посмел ее так обругать. Но он был совсем не похож на своего брата, этот виндекс Лисов. Да и братья ли они вообще?

– По твоей вине я мог бы валяться на месте этой паленой куклы. – Артем пнул сожженный манекен.

– Я не думала, то это так серьезно. Мы привыкли жить в

безопасности в Вечном мире.

– Не лги! – оборвал ее Артем. – Ты нарочно не предупредила меня, чтобы я не отказался, не струсил. Тебе надо было найти этого Поля любой ценой! Так? – Говоря, он наступал на нее.

Алена попятилась.

– Ага! – воскликнул Артем торжествующе. – Подставила меня, и рада. – Кажется, ее предательство доставляло ему какое-то особое наслаждение. Он вдруг стал говорить ей «ты», но не дружески, а скорее презрительно.

– Не смей так со мной разговаривать! – Она тоже стала ему «тыкать». Подумаешь, шишка – рядовой виндекс!

– Еще как смею! Ну! Что ты еще скрываешь? А?

– Я ничего не скрываю. Просто не успела рассказать. У меня есть имена «неподчинимых».

– Ты о ком? – не понял Лисов.

– О людях, которые прошли врата, но не погасили агрессию. Таких обычно направляют на коррекцию психики.

– Про коррекцию я знаю! – кивнул Лисов.

– Но эти люди не выполняли предписаний, они просто исчезали. У меня есть список таких слушников, и в этом списке довольно много имен.

Алена достала из сумочки инфокапсулу, которую вручила ей Орловская.

– Дай сюда! – Артем буквально вырвал у нее инфашку. – Где ты ее взяла?

– Вот это я точно не скажу! – заявила Алена с вызовом. – Но я уверена, все это как-то связано с Полем Ланьером и с этим... – Она кивнула в сторону сгоревшей куклы.

Артем повертел инфашку в пальцах. Похоже, гнев его быстро остыл. Или это был всего лишь умелый розыгрыш – попытка примитивно «надавить» на девчонку? Алена вынуждена была признать, что ход удался.

– Да, тут все закручено одно с другим. Без меня тебе не обойтись. Витька всегда говорил: «Каждому хоть раз в жизни нужен виндекс».

– Виктор умел... то есть умеет говорить красиво, – через силу улыбнулась Алена. – Ты будешь мне помогать? – спросила осторожно. Даже робко. Виндексы любят слабых. Слабых и послушных. Для Виктора (нет, нет – для Поля) она была готова даже унижаться перед этим типом.

– Придется, но только ради Витьки. Я всегда мечтал, чтобы меня кто-то любил до безумия и готов был пойти на все, даже на подлость. Честно! Я не сержусь! – Он похлопал ее по плечу, на этот раз по-дружески. Улыбнулся.

– Хорошо, – зачем-то сказала Алена. Просто ей нечего было больше сказать. – Так ты точно на меня не злишься?

– Ничуть. Виндекс должен владеть своими чувствами. Никакой агрессивности. Немного сожаления, и только. Мы всех любим, всех защищаем. Ненавидеть слишком утомительно. Даже если я пушу тебе пулю в лоб, то сделаю это без ненависти.

Алена много слышала удивительного про виндексов. Но это признание Артема ее поразило.

– То есть ты можешь убить, и служба контроля эмоций ничего не зафиксирует?

– А ты об этом не знала?! – Артем расхохотался. – Все наемные убийцы – это бывшие виндексы. Мы опаснее всех. Потому что тот, кто тебя защищает, непременно захочет тобой повелевать. Тот, кто любит, – возненавидит.

– А кого ненавидел – полюбишь? – Она почему-то вспомнила Поля. Но разве она его ненавидела хотя бы миг?

– Бывает и так, – Лисов рассмеялся. – Но ты не умеешь ненавидеть.

– Откуда ты знаешь? Ах да, все виндексы – эмпаты.

– Я по этой части не слишком одарен, – скромно потупился Лисов. – Другое дело Витька. Его отец – виндекс, ему была прямая дорога в наше братство. Знаешь, какой у него индекс эмпатии? Нет? То-то и оно. Скрывает. А я за ворота ходил, чтобы хоть немного поднять свои показатели – иначе не брали в защитники.

– Ты был за воротами?

– А ты не знала? Как я погляжу, Витька не посвящал тебя в дела семейные. Значит, еще не решил, жениться ему на тебе или нет.

Слова Артема ее задели. «Неправда!» – хотелось ей крикнуть. Но почему-то она промолчала, даже губу закусил. Виктор несколько раз говорил о свадьбе как о деле решен-

ном. Как только Алена окончит университет, они поженятся. Но теперь ей стало казаться, что Виктор нарочно отодвинул свадьбу на два с лишним года, чтобы все разрешилось как бы само собой. Не охладели друг к другу, не разругаются, значит, соединятся навсегда – так тому и быть. Поссорятся, – тогда разойдутся легко, без горечи. Алене показалось, что в этот миг ее связь с Виктором сделалась какой-то условной, даже призрачной. Ниточка, что их связывала, вдруг превратилась в тончайшую паутинку, грозя вот-вот лопнуть.

– Рассказать, что я делал за воротами? – похоже, Лисов очень гордился тем, что побывал в Диком мире.

– Расскажи, – Алена изобразила, то чрезвычайно заинтригована.

– Я там был не стрелком, а санитаром. Вместе с другими раненых и убитых вывозил. Как раз в тот год, когда зима наступила вместо лета. Думаешь, завратные байки? Нет, так было однажды. «Синие» и «красные» вышли на ту сторону в летней форме, а вокруг снег лежал, реки замерзли, мороз стоял страшный. И главное – войска переправляются, все новые и новые подходят, никак на эту сторону не сообщить, что за воротами зима. В тот год почти не воевали. Сражались с холодом, валили лес, строили бараки, складывали печи. Вместо ранений – обморожения. Четвертой степени. Знаешь, что это такое? – Артем не стал дожидаться, пока Алена отрицательно покачает головой. – Парень снимает ботинок, а нога у него черная как головешка. Этого сразу – на

ампутацию. Был такой случай: привезли раненых – три санитарные машины. Посмотрели, а в кузовах все замерзшие лежат. Лица стеклянные, руки скрюченные, иней на ресницах. Один только парень выжил. Он как-то сумел с других одеяла стащить и в них зарыться.

– Кошмар, – сказала Алена. – А почему вы с Виктором не общаетесь?

– Сама посуди: два эмпата, один из них порталщик, другой – виндекс. Мы и полчаса не могли спокойно говорить друг с другом. К тому же виндексы обычно не общаются с журналистами, это почти закон. Разве ты не знаешь?

– Нет.

– И потом, мы сильно поссорились. Я Витьку обидел. Он – снисходительный, если по неосторожности обидишь или по глупости. А если преднамеренно – ни за что не простит. Учти.

– Я знаю, – сказала Алена и покраснела до кончиков ушей. Потому что в этот миг почему-то опять вспомнила не Виктора, а Поля.

– Надеюсь, мне удастся заслужить прощение.

В управление виндексов они прибыли днем. Большой унылый дом стоял посреди пустыря, на котором недавно посадили тоненькие деревья. Было неясно, прижились они или нет – голые веточки пока еще казались мертвыми. Внутри дом выглядел не таким унылым, как снаружи: стены, выкрашенные в светло-зеленый цвет, раздвижные двери из матового стекла, просторные, ярко освещенные коридоры. Взад и вперед сновали женщины и мужчины, одетые пестро и броско, повсюду сувениры, цветы в горшках, постеры и голограммы. В просторном зале рядами расположились стойки с компами. Большинство компьютеров сейчас было выключено. Женщина лет тридцати пяти с коротко остриженными волосами в толстом свитере и темных брюках поднялась навстречу Артему.

– Темка! Ты же в отпуске! Зачем пожаловал? Неужели соскучился? Пришел понюхать воздух? Зря! Тебя не вернут раньше срока. Ты же на реабилитации до января! – напомнила она.

– Я не по работе, Лиз! – Лисов чмокнул женщину в щеку. – Личное дело. Очень-очень личное, семейное, можно сказать.

Лиз окинула внимательным взглядом Алену. Ревнивым взглядом, следует сказать. Двадцатилетней голубоглазой блондинке Лиз явно проигрывала по всем статьям. Впрочем,

один недостаток у Алены имелся: при всей ее красоте в ее облике проглядывала какая-то заурядность.

– Отлично выглядишь, крошка, – Лиз расщедрилась на дежурный комплимент. – Только учти, все виндексы непостоянны. Они защищают всех, значит, – всех любят. И всех трахают.

– Трах не при чем, – перебил Лизу Артем. – Кое-что другое. Дело с душком.

– Воняет завратно? – подсказала Лиз и подмигнула виндексу.

– Вроде того. Весь смрад оттуда – там слишком много гадят. Двери при этом закрывают, но неплотно.

Лиз задумалась, постукивая костяшками пальцев по столу.

– Так-так, Лис, врата – это серьезно. У нас тут несколько ЧП. Слышал про Эрхарта?

«Эрхарт!» – едва не вскрикнула Алена. Но вовремя прикусила губу. Однако Артем заметил ее тревогу, бросил миомолетный взгляд и тут же отвернулся. Ну вот, теперь еще и это придется объяснять. Почему не предупредила?! Но, позвольте узнать, как она могла предвидеть такое?

– Что же стряслось с Эрхартом? – спросил Артем почти равнодушно. На Алену он при этом не смотрел. Или делал вид, что не смотрит.

– Авария глайдера. Судя по всему, подстроенная. В одном из порталов проскочила информация: «Убрали агенты

Валгаллы». Что это значит? Безумцы вроде Тутмоса? Главное взорвать, а там посмотрим? Средство есть цель. И тэ дэ, и тэ пэ.

– Не знаю, – отрезал Артем.

– А что еще? – Алена старалась не дышать. Сердце билось как сумасшедшее.

– Нападение на репортеров «Глобал».

– Это серьезно, репортеры – это еще хуже, чем Эрхарт, – нахмурился Артем. – Неужели стражи?

– Не знаю. Кто-то вырубил репортеров и охрану, но пилот их летучки успел поднять тревогу и заблокировать кабину. Когда охрана примчалась, нападавший бесследно исчез.

– Идентификация?

– Была заблокирована, все записи стерты. Не иначе – «Белая тьма».

– Конкуренты?

– Возможно. Но теперь просто так по сети не поползаешь, – предупредила Лиз. – Тебе нужен особый канал. Обычная защита не поможет. Все должно быть просто и красиво. Что скажешь о канале Маркова? Можешь следить сколько угодно и где угодно. Без опаски. Только киллера не слови.

– Подставить друга? Разве это и у нас вошло в моду?

– Не волнуйся. Он дал нам полную свободу действий. Всем и каждому.

– Погиб? Честно, я не знал.

Артем повернулся к ближайшей стойке, на которой висел

контактный клеммник. Под клеммником кто-то пришил бумажный цветок, на столе лежали детские игрушки, головограммы, книжки, конфеты. Как же он сразу не заметил!

– Тогда его канал перекрыт, – заметил Лисов. – В сеть не войти.

– Все не так. Марков в больнице. Мозг мертв, но тело живет. Медики колдуют, взяли генетический материал для клонирования и потомства. Знаешь, так положено по закону. Как только проверят качество, приборы отключат. Но пока они работают, Марк все еще жив, канал не отключают. Хватай контактный клеммник и вперед. Авт нам сварит кофе и выкинет пару бургеров. Отравимся. А ты пока бегай по сети, шустри.

– Я сочувствую! – Алена шагнула вплотную к Артему. Шепнула одними губами, почти касаясь щеки. – Поль встретился с Эрхартом.

– Знаешь, я почему-то так и подумал, – шепнул Лисов в ответ. Потом сказал громко: – Не бойся, буду осторожен.

Лиза взяла Алену за руку и отвела в сторону:

– Не будем ему мешать. Вы его новая знакомая? Он много болтает, но о самом важном молчит. Так кто вы?

Спрашивая, Лиз смотрела девушке прямо в глаза, как будто являлась ходячим детектором лжи.

– Я помолвлена с его братом Виктором Ланьером.

– Портальщик?! Ведущий «Дельта-ньюз»? О, Господи, как я вам завидую! – ахнула Лиз. – Но, представьте, Лисов мне никогда не говорил, что Вик Ланьер – его брат.

«А как же Сеть?» – хотела спросить Алена, но не спросила – и так было ясно, что ей лгут.

Лиз просунула жетон в щель автомата, нажала кнопку, тут же на столик выпал упакованный в биопленку поднос с бургерами и стаканчики с кофе.

Алена пила маленькими глотками кофе и смотрела на Артема, неподвижно застывшего в кресле. Виндекс уже подключил канал связи к своему разъему и теперь метался по Сети. Лицо его ничего не выражало. Латексная маска, только ресницы чуть-чуть подрагивали.

«Я все делаю неправильно, – думала Алена. – Я же чувствую: меня сносит. Когда смотришь видашник, сразу ясно, как должен поступать герой, что он делает правильно, а что нет. Почему в жизни так никогда не бывает?»

3

Лисов наконец отключился от Сети.

– Где мои бургеры? – Артем разом откусил половину. Одним глотком опрокинул стаканчик с кофе. – Ну что ж, поговорим об этом твоём папе Поле.

– Может быть... ну... – Алена покосилась на Лиз.

– Не бойся: это мой самый-самый преданный товарищ. Можешь доверять ей, как мне. Или даже больше, – заверил Артем. – Мы же виндексы! Мы будем тебя защищать. Тебя и Поля. – Его голос неожиданно сделался мягким, вкрадчивым.

Артем умел очаровывать. В этом у него было что-то общее с Виктором. Его голос мог гипнотизировать, подчинять. Алена даже повела плечами, будто пыталась сбросить невидимую ловчую сеть.

– Что-то удалось выяснить?

– Весьма интересные вещи. Некто Джон Доу был зарегистрирован в аэропорту два дня назад.

Алена затаила дыхание. Неужели удалось? Неужели?

– Куда он улетел?

– Это самое интересное. Он сел на аэробус в Лондон. Но не прилетел в Хитроу.

– Его убили?! – Сердце ухнуло вниз.

Алена так побледнела, что это заметили и Лиз, и Артем.

– Нет, – спешно сказал Лисов. – Он не сошел с аэробуса.

Понимаешь, что это значит?

– Не совсем, – у Алены дрогнул голос.

– Он как-то обманул систему регистрации. Якобы сел на самолет, но при этом сам никуда не улетал.

Слова о самолете тут же заставили Алену вспомнить о найденном билете.

– Среди вещей Поля я нашла использованный билет на самолет из Нью-Йорка. На имя Джона Доу. Он прилетел третьего сентября на самолете, а ворота открылись первого. Что же получается? Он, как только прошел ворота, помчался в Америку, но тут же вернулся обратно. Странно, да?

– Ну вот! – Артем возмущенно фыркнул. – Ты опять не сказала главного! И долго так будет продолжаться?!

Виндекс залпом выпил второй стаканчик кофе и кинулся к компьютеру. Алена наблюдала за ним с тревогой. О, господи, Поль! Неужели его убили! Но нет, он не мог так просто попасться. Поль хитрый. Он всегда держит в уме запасной вариант. Он был на настоящей войне, полвека провел в Диком мире, его так легко не убить! Поль – бессмертный. Она уже почти верила в это.

Через пятнадцать минут Артем вылез из Сети.

– Ты сказала, что этот Поль пришел из-за врат под именем Джона Доу?

– Ну, да, так именно он и назвался. Как говорится, какую информацию скачала, такую и передаю.

– Джон Доу не возвращался из Дикого мира в этом году. Он ушел на ту сторону два года назад и пропал. Зато из Мехико в Нью-Йорк двадцатого августа Джон Доу летел на самолете. Ты понимаешь, о чем я?

Алене показалось, что слова «понимаешь, о чем я», относятся не к ней, а к Лиз. Но та молчала и лишь пожала плечами, как будто сказанное ее вовсе не интересовало.

– Двадцатого августа? То есть летом, когда врата еще были закрыты? – проговорила Алена неуверенно. Подумала, что Лисов оговорился. Но Артем кивнул, подтверждая: да, именно в августе. – Что ж получается? Этот человек не из-за врат? И он не Поль Ланьер?

– Я этого не утверждаю.

– Тогда кто он?

– Пока не знаю. Ходячая тайна. И эта тайна меня интригует. Как ты относишься к тому, чтобы поехать в Мехико и попытаться найти там следы Поля?

– Поль, ты в отпуске! – напомнила Лиз.

– Тем более, я могу делать все, что хочу, – рассмеялся Артем.

– Почему бы тебе не направиться к шефу и не попросить командировку?

– В это случае придется ему все рассказать, – засомневался Лисов.

– Ничего подобного. Скажи, что хочешь проверить работу стражей врат.

– О да! По этой статье мне подпишут все что угодно. Минутку, девочки! Я, возможно, выйду деньги и на билет для Алены. Хотя бы в одну сторону.

Артем бегом кинулся к матовой стене. Издали казалось, что там вовсе нет дверей, но как только Артем приблизилась, в стене образовалась щель, он нырнул внутрь, и стена вновь сделалась цельной.

– За что вы так ненавидите стражей? – подивилась Алена.

– Они – сторожевые псы, которые хватают прохожих за руки и отнимают у них все, что могут выдрать. А этот Поль Ланьер – он родственник вашего жениха?

– Это его отец, он провел за воротами много лет. И вот – вернулся. Неожиданно. А потом исчез.

– Какой великолепный подарок!

– Что?

– Я говорю – какой сюрприз.

– Он хотел рассказать, что там, за воротами, существует какой-то страшный центр. Точно ничего не известно, кроме названия, – Валгалла. Но его никто не услышал. Вернее, не пожелал услышать.

– Мы услышали, – Лиз положила руку на плечо Алене. – На то мы и виндексы.

Теперь она подключилась к компьютеру.

«Они присвоили моего Поля», – подумала Алена, с неприязнью глядя на Лиз, застывшую в кресле.

Вновь в матовой стене появилась дверь, Лисов вернулся в

общий зал, размахивая двумя бумажками.

– Девочки! Победа! У меня две командировки. На меня и на помощника. Алена, ты летишь в Мехико за счет конторы.

Алена кинулась Лисову на шею. Она вновь увидит Поля! Какое счастье! И никаких угрызений совести.

– Знаете, друзья, по-моему, вам рано еще лететь в Мехико, – объявила Лиз, откладывая клеммник.

– Это почему? – одновременно спросили Лисов и Алена.

– Дело в том, что известный вам Джон Доу снял в одном из банков Хельсинки кругленькую сумму. Виндексы уже установили гостиницу, в которой он остановился. До утра его будут стеречь, так что мы успеем прибыть на глайдере. По-моему, нам стоит с ним пообщаться.

Гостиница располагалась невдалеке от центра, но была весьма скромной. По-видимому, Поль решил не привлекать к себе внимания. Удостоверение виндекса открывает любые двери, однако Лисову и Лиз не пришлось вламываться в номер: Поль Ланьер сам открыл им дверь.

Увидев девушку, пришелец из Дикого мира в первый момент растерялся. Алена тоже. Ей не хотелось, чтобы при их встрече кто-то присутствовал.

– Поль Ланьер, нам надо с вами поговорить от имени виндексов, – объявила Лиз.

– Это Артем Лисов, брат Виктора, – промямлила Алена, чтобы хоть как-то оправдать свое вторжение. Она чувствовала, как краска заливает ее щеки. – А это Лиз. Они виндексы.

Похоже, Поль смирился с появлением незваных гостей, потому как не стал возражать, сказал кратко:

– Проходите.

Номер состоял из одной комнаты и ванной. Все было предельно скромно, чисто, почти уютно. Алена заметила чемодан в углу, на столике бутылку коньяка и одинокий фужер. И больше ничего, ни одной вещи, принадлежавшей постояльцу. Похоже, Поль готовился покинуть номер, а они ему помешали в последний момент.

– Чтобы осуществить вашу миссию, понадобится наша по-

мощь, – объявила Лиз.

– Мою миссию? – переспросил Поль и бросил подозрительный взгляд на Алену.

– Я рассказала им о том, что вы хотите остановить Валгаллу, – торопливо сообщила Алена.

– Неужели у меня появились союзники? – язвительно заметил Поль.

– Одному вам не справиться, – продолжала гнуть свою линию Лиз.

Ланьер отошел к окну. Несмотря на холодную погоду, оно было открыто. Алена вспомнила, как в доме Виктора Поль так же стоял у окна и смотрел во двор. Алена подошла и встала рядом. Окно выходило в уютный дворик. Летом сюда наверняка выносили кадки с цветами и туями, но сейчас двор был совершенно пуст, залит дождем, уныл.

Алене вдруг стало нестерпимо жаль Поля, так, что комок подкатил к горлу. Он один в этом мире, ни единой души рядом. А виндексы, утверждающие, будто желают помочь – разве они действительно хотят этого?

– Только виндексы понимают, какую опасность таит в себе хаос, царящий в Диком мире, – очень правильно продолжала рассуждать Лиз.

– Значит, вы решили поддержать меня? – спросил Поль, отворачиваясь от окна.

– Да, виндексы на вашей стороне, – подтвердил Лисов.

– А что взамен? Ведь вы чего-то хотите взамен?

– Ничего, – завершила Ланьера Лиз.

«Почему они не спросят его, как он очутился здесь летом? – подумала Алена. – Не хотят говорить? Ну да, почему-то не хотят...»

Она не додумала эту мысль. Ощутила раздражение и протест: Алена не будет обманывать Поля, ни за что не будет.

– Мы знаем, что вы пришли летом... – договорить она не успела.

В следующий миг Лиз отлетела в угол, рядом с ней грохнулся Лисов, а еще через секунду Поль исчез – вместе со своим чемоданом. Только бутылка и фужер остались на столике.

– Вот черт! Как он сумел? – пробормотал Лисов, поднимаясь. Рукой он держался за челюсть. – Клянусь, он ударил одновременно и меня, и Лиз.

– Ты что, дура?! – закричала в ярости Лиз. – Зачем ты ему это сказала?

– Вы хотели его обмануть! – крикнула Алена.

Но Лиз ей ничего не ответила: у нее хлынула носом кровь, и Лиз побежала в ванную.

– Все идет нормально, – Лисов положил Алене руку на плечо. – Все равно никому бы не удалось его обмануть: он виндекс, он чувствует малейшую ложь. Но тебе он доверяет – чтобы это понять, моей эмпатии достаточно. И ты передашь ему предложение виндексов. Поверь, от того, состоится этот союз или нет, зависит будущее всех. – Он опять го-

ворил мягко, вкрадчиво.

Но Алена ему не верила.

Война

Глава 3

1

Малыш Том. На вид – мальчишка. Руки постоянно в масле, под ногтями траурные полоски. Передний зуб выбит. Говорит хриплым голосом, почти постоянно курит. А смеется заливисто, по-детски. С Рафом у них какие-то тайны, свои знаки, свой сленг, для прочих непонятный. Вот и сейчас при встрече они обменялись непонятными фразами.

Том спросил: «Хрон имеется?»

Раф ответил: «Привез».

– Это «Молниеносный», так его назвал герцог! – Том похлопал вездеход по серому боку.

«Интересно было бы поглядеть, как герцог управляется с этой машиной», – думал Виктор, делая уже третий круг вокруг «Молниеносного».

От исходного «Крайслера» осталось совсем немного. Герцог перебрал каждый узел и что мог, – усовершенствовал. Дикий мир – иной мир. И здесь все иное. Что прочно за вратами, – здесь рассыпается в прах. А то, что там хрупко и ненадежно, может годами служить в диком крае. Прежде

всего, броня вездехода: стальной панцирь исчерчен полосами серебра. Неужели такая броня защитит от лазеров и пуль? Забавно. Но вопросы потом.

Пока продолжаем осмотр.

Псевдоколес не шесть, а восемь, двигатель повышенной мощности. Кабина прошита серебряными прутьями, даже стекло украшено ажурной сеткой. В кузове – небольшая капсула, что-то вроде серебряной клетки с частой решеткой.

Виктор внимательно оглядел серебряную сбрую «Молниеносного».

– Здесь водятся зомби? Или вурдалаки? – поинтересовался у Тома.

– Обратни – это в сказках. А у нас – мортал. Едешь в такой клетке через мортал, и не стареешь. Даже в ловушке выжить можно, – пояснил Том. – Пару таблеток под язык, «Дольфин» – в карман, и шпась прямиком, не опасаясь мортала. Хоть день, хоть два можешь ехать.

Виктор вспомнил серебряный портсигар Арутяна. И его бесстрашие, ничем прежде не объяснимое, но такое понятное теперь. Кто-то рассказал ему про серебро. И Эдик был уверен, что лично он надежно защищен в мортале. На остальных ему было плевать. Имея защиту, он спокойно упрекал остальных в трусости. Кроме портсигара, возможно, имелись у него и другие вещицы: Виктор погибшему под одежду не заглядывал. Да и самого Ланьера оберегал амулет (о чем он сам не ведал) – серебряный медальон с портретом

Алены, который Виктор никогда не снимал. Может, потому и вырвался из мортала? И других вывел.

У Рuzгина – серебряный крестик имелся. Помнится, Бураков просил тот крест показать. Теперь стало ясно – генерал хотел удостовериться, что крестик именно из серебра.

– Что же получается, аргентум останавливает время? – Виктор высказал свою догадку вслух.

– Мы не знаем характера явления, – туманно отвечал Раф. – Серебро защищает – установлено эмпирическим методом.

«Не ребенок, а гном, и сапожки поношенные. Не первый год в них щеголяет. У детей нога быстро растет, каждый год башмаки менять надо. А этот года три в одних и тех же ходит».

Ланьер поймал себя на желании перекреститься.

Раф наклонился, запихал под сиденье свой рюкзачок. На поясе звякнули серебряные колокольцы.

– Послушай, может, ты объяснишь, зачем эти дурацкие колокольчики, как у коровы? – спросил Виктор. – Боишься потеряться в лесу?

– Это для мортала. Когда колокольчики перестанут звенеть – значит, надо валить. Срочно!

Все назначенные в экспедицию собрались: Каланжо и Димаш пришли последними. Димаш на ходу что-то жевал и рассовывал по карманам бутылки с водой и «Дольфины». Каланжо прихватил с собой немало вещей: рюкзак у него

оказался втрое объемнее, чем у Рафа. Из оружия капитан взял пистолет и винтовку. Похоже, трофейную «Горгону» он сменял на снайперку.

– Итак, какова задача? Захватить плацдарм? Отбросить противника? – поинтересовался Каланжо.

– Едем закупать продовольствие. Вернее – менять, – вступил в разговор Раф, не дожидаясь, пока Виктор ответит. – Жратву – на патроны.

Столь приземленная задача капитана ничуть не разочаровала.

– Правильно сделали, что меня решили взять. Я одно время торговал старыми машинами. Думаете, это так просто – убедить человека, что ему необходим жигуль 2005 года выпуска? Да и с родней пропавших без вести торговаться – тоже я скажу, еще то удовольствие. Тут особый талант нужен. Они обычно на психику давят, рыдают, фотки показывают, где пропавший запечатлен сидящим на горшке или с соской в беззубом рту. Думают, что после просмотра семейного альбома я им десять процентов скину. Только я зарок дал – никаких сантиментов. С клиентами водку не пить и старые видашки не смотреть.

– Что ж так жестоко? – хмыкнул Ланьер.

– Жизнь учит. Я одной тетке сына целым и невредимым нашел, привез из-за врат. А она мне ни единого еврика не заплатила.

– Почему? – удивился Димаш.

– Да потому что я живого привез, а не мертвое тело. То есть договор не выполнил. Понимаешь? Там в моем договоре было напрямую указано, что я должен получить бабки за мертвое тело.

– И не заплатила? Мать – и не заплатила за живого сына? – изумился Димаш.

– Я же сказал: ничегошеньки не дала. С тех пор я поумнел, всегда оговариваю, что за живого возьму двойную плату. Но с тех пор больше мне так не везло.

– Ладно, хватит трепаться, – сказал Виктор. – Димаш, Каланжо, пошли за патронами и оружием.

– А мне с вами можно? – оживился Раф.

– Нет. Ты ступай в госпиталь за аптечками.

2

Однако поход за оружием разочаровал и Димаша, и Каланжо. Оба надеялись, что их пригласят посетить таинственный подземный арсенал крепости, о котором оба уже были наслышаны и который Виктор посещал однажды. Вместо этого Ланьер отпер караульню и велел взять по запасному автомату на каждого, а потом таскать ящики с патронами.

– Все это, Витька, несерьезно, – фыркнул Каланжо. – От настоящего противника не отобьешься. Так – маров попугать.

– А кого ты называешь настоящим противником? «Милитари»?

– Еще встретимся, – буркнул Каланжо сквозь зубы. – Вот если бы нам с тобой генерал «Пастушонка» подарил, с таким ни один черт не страшен!

– Я и не знал, что ты голубой, – хмыкнул Виктор. – О пастушках мечтаешь.

– Мечтаю, мечтаю, – поддакнул Каланжо. – Этот «Пастушонок» любую задницу может поиметь. А вот и генерал к нам идет! Может, решил чем-нибудь ценным нас одарить на дорогу?

Однако было не похоже, чтоб генерал собирался их чем-то одаривать. Бурлаков явно выбрался во двор в самом мрачном настроении. Оглядел вездеход, потом подошел к кара-

ульне.

– Ну что, собрались? – спросил, хотя и сам видел: почти все приготовленное оружие они уже забрали.

– Набили вездеход под завязку, – похвастался Каланжо.

Бурлаков протянул раскрытую ладонь:

– Виктор Павлович, отдайте мне ваши ключи.

– В чем дело? Вы же мне сами вручили эту связку как своему помощнику.

– Выносить ключи из крепости не допускается. Вернетесь – получите снова.

– Быстро же вы меня разжаловали!

Виктор снял ключи с пояса, повертел связку в пальцах, помедлил.

– Я их вам верну, даю слово, – сказал Бурлаков.

– Забирайте! – Виктор положил связку на раскрытую ладонь. – Одного не понимаю: зачем вам понадобилось так меня унижать? Или вы даже не заметили, как унизили?

Он повернулся и зашагал к вездеходу.

– Не очень-то вы любезны с нашим генералом, – заметил Каланжо, когда все участники экспедиции уже забрались с вездеход.

– Знаете, почему я не переносу монархов? – Ланьер все еще злился: на той стороне браслет наверняка бы показал недопустимое повышение агрессивности.

– Вопрос риторический?

Виктор усмехнулся:

– Потому что любому монарху подданные должны лизать задницу. И мне, честно говоря, безразлично, хорошая эта жопа или мерзкая – меня сам процесс бесит.

– Я заметил, – кивнул Каланжо. – Но, знаете, многим нравится.

3

Вокруг крепости за белым кругом располагались зоны мортала. А меж ними тонкой паутиной – хронопостоянные линии. По ним, как по дорогам, можно было ехать без опаски. Одна беда: линии эти менялись. Где вчера было хроноболото – сегодня мог появиться мортал. Зимой с этим нетрудно разобраться, – если снег лежит, – значит, безопасный участок, если серая земля, да гнилая хвоя – мортал. А если палая листва повсюду видна – мортал только-только сдвинулся, выпустил новые щупальца. На карте зоны без нарушения временного континуума – светло-зеленые. В реальности они в это время года все белые – завалены снегом. Дороги здешние зимой не чистят, а снегопады в Диком мире похожи на бедствия – полметра за ночь может навалиться.

Километров десять вездеход ехал по ровной, засыпанной снегом просеке. Псевдоколеса приподнялись на метр, не меньше, но все равно снежная пыль окутала машину густым облаком. Раф указывал дорогу. Том – вел. Колесили, поворачивали, ехали напрямик через мортал – благо деревья росли редко. Потом вывернул им прямо под колеса накатанный санный путь, а дальше пошли следы колес, попадались и зигзаги, оставленные псевдиками вездеходов.

– Красиво здесь, правда? – вздохнул Димаш. – Просто загляденье. По этому миру с рюкзачком бы походить летом и

на лыжах – зимой.

– В принципе, затем большинство и приходит, – отозвался Виктор.

– И еще пострелять, – хмыкнул Каланжо.

– Поиграть, – уточнил Ланьер. – Покричать: «Пиф-паф!» Для большинства это не всерьез. Смерть условная, как и боль.

– Наша жизнь давно утратила серьезность, – заметил Каланжо.

– А вместе с ней и значительность, – этим утром у Ланьера было мрачное настроение. – Все стоит одинаково – фальшь и искренность, кропотливый труд и легкомысленный успех, потому что цена всему – минута.

– А эта дорога куда ведет? – спросил Димаш, указывая на боковую тропку в снегу.

– Здесь повсюду деревни, – пояснил Раф, – но сейчас в ближайшие поселения соваться нет смысла – до Нового года деревенские ничего не продают. Придерживают, набивают цену. Только если у кого острая нужда в патронах или лекарствах. Но в этом случае они приходят сами, покупают в крепости, что нужно, и тут же уходят.

– Я и не знал, что здесь столько пацифистов, – подивился Виктор.

– Пасики? Нет, – покачал головой Раф. – Обычные люди. Стрелки, ролевики, технари из дорожных бригад, наблюдатели, – все оседают в Диком мире. Явятся из-за врат якобы

поиграться, побродят по лесам, прикинут, что и как, припрятут оружие и устроятся жить. Дома ставят, обзаводятся семьями.

– Жить? Разве можно жить среди войны? – засомневался Виктор.

– Вполне. Война в игровых зонах, а тут – вполне приличное житье. В поселках «милитари», говорят, вообще все классно устроено.

– Им что, в том, нормальном мире, места мало?

– Выходит, что так. Останови! – велел Раф Томасу.

Навстречу ехали груженные бревнами сани. Лошадью правил мальчишка-подросток. По обеим сторонам саней шагали два здоровенных мужика с винтовками.

Виктор выбрался из машины.

– День добрый! Мы из крепости! – крикнул он мужикам. – Продукты есть на продажу?

– А что можете предложить? – отозвался охранник в овчинном тулупе и меховой шапке.

– Патроны. Лекарства.

– Ничего не нужно. Проезжайте.

Виктор пожал плечами, вновь сел в вездеход.

– Видишь того бородатого? – Раф указал на мужика, что не вступал в разговор. – Этого типа отец спас от смерти. Оказалось – жадный до смерти. С ним лучше не торговаться. Он за килограмм картошки десять патронов просит. Я думал, в тот год, когда отец его спас, он скидку сделает. У нас, как

на зло, было туго с припасами: из-за врат почти ничего не прислали. Ну, мы и поехали торговаться. А этот жадюга ни одного патрона не скинул. Зато за лекарствами приходит в крепость и выпрашивает бесплатно. Каждый раз канючит: ребеночек помирает, то сыночек, то племянничек, то дочурка занемогла. И никогда не платит. Мы жителей этой деревни «волками» называем.

– Зачем ты привез нас сюда? – пожал плечами Каланжо. – Поглядеть на этого павиана? Таких и по ту сторону врат полно.

– Да ни зачем. Просто мимо ехали. Картошку лучше покупать в долине. Там зона небольшого хроноускорения. Там уже в июле каждая картофелина вот такая. – Раф изобразил руками что-то больше похожее на арбуз. – И староста там нормальный. Прижимистый, но в меру, не борзеет. И потом он в крепости много всяких вещей заказывает: колокольчики серебряные, подсвечники, клепсидры. Механические часы для него в мастерских делают. Счет, разумеется, ведется на патроны. Здесь это валюта. Если в крепости с патронами и припасами туго, он картошку в кредит отпускает. Иногда охрану из крепости просит, и хорошо платит, при этом кормит охрану бесплатно.

– А Хьюго там у них свой есть? – спросил Каланжо.

– Ты о чем? – не понял Раф.

– Да я вот думаю, может, мне лучше в этой вашей Картофельной деревне поселиться? Больно мне твой староста по-

правился.

Особенность Дикого мира такова: все, что близко, на самом деле – далеко. Все, что сложно – проще простого. Самое простое – неразрешимо.

До Картофельной деревни они не доехали.

Время встало. Рядом на сиденье притулился тот юнец с белыми волосами и исхудалым лицом, прозрачный, бестелесный почти, призрак смерти, остановленный пулями черного всадника в мортале.

В отличие от прежних «гостей» этот остался таким, каким был, – до времени постаревшим, с белыми волосами и бровями, с истонченной кожей, сквозь которую просвечивали голубые ниточки вен. Только белую стариковскую бороду стер у призрака мортал, вернув мальчишке молодость.

– Мы нашли подходящую скалу. Может, это та самая, настоящая! – Призрак начал, как всегда, со своей мечты. Протянул ладонь, и на ней замерцала голограмма: из зелени густого леса выдавалась носом линкора беломраморная скала. – Но ты дальше пока не ходи. Опасно тут.

– Почему пришел ты, а не кто-то другой? – спросил Виктор, впрочем, не надеясь, что получит ответ. Но тот ответил:

– Сегодня моя очередь...

Видение пропало.

– Останови! – крикнул Виктор.

Том отреагировал мгновенно, вездеход встал, псевдokolеса погрузились в снег.

– Впереди мары, – сказал Виктор. – Том, Димаш и Раф – оставаться в машине. Мы с Каланжо пойдем вперед на разведку.

Двинулись целиной, увязая в снегу. Сначала по колено, потом по щиколотку. Еще шаг – и стала проглядывать хвоя, захрустели ветки под ногами. Они приближались к границе мортала.

«Бесшумно, как у Хьюго, не получается, – отметил Виктор. – Хоть и кровь виндекса в жилах, да навыка нет».

Хорошо еще, ни Ланьер, ни Каланжо не навесили на себя колокольчики.

Впереди дорога поворачивала. А что за поворотом, не видно: как нарочно слева грудой лежали огромные валуны. Из-за поворота долетали звуки: голоса, какое-то хрипенье, слышался смех.

Виктор приложил палец к губам. Затем ткнул себя в грудь и указал пальцем вперед. За поворот он хотел заглянуть один. Каланжо отрицательно мотнул головой. Его палец нацелился на раздавленную неведомой силой скалу, ставшую грудой камней. Логично: забраться на вершину и оттуда глянуть, что происходит на той стороне. Виктор кивнул.

По камням они лезли минут пять. Камни оказались на редкость острые – резали пальцы даже сквозь кожаные перчатки. Еще приходилось следить, чтобы камни вниз не кати-

лись. Объявлять о своем появлении им было пока ни к чему. Один раз Каланжо едва не сорвался, но Виктор его удержал, ухватил за ворот. Наконец забрались на гребень. Глянули, да так и застыли, будто к камням примерзли.

Маров было семеро. Главарь – высоченный и дородный, в синей курке и меховой шапке стоял возле высокого дерева. Подле него суетился то ли мужик, то ли баба – не разобрать издали. Одно было видно: волосы длинные и плечи покатые, куртка просторная. Остальных Виктор разглядеть не успел. Потому что взгляд его уперся в дерево. Огромная смертельная сосна: граница как раз пролегла за разрушенной скалой. И к этому необхватному стволу было прибито нечто длинное бело-розово-красное, больше всего похожее на мешок. Мешок этот издавал хрипящие и булькающие звуки.

Не сразу Виктор понял, что мешок вовсе не булькает – он говорит. Даже можно разобрать, что именно.

«Я люблю маров», – хрипел мешок.

Каланжо ткнул Виктора в бок, указал на главаря и стал целиться. Виктор решил стрелять в того, что стоял слева. Но первым выстрелил не он, и не Каланжо. Выстрел грохнул внизу – со стороны дороги. Голова главаря лопнула выдавленным гнойником. Тело покачнулось и плашмя рухнуло на землю. Следом выстрелил Виктор – в того типа, что напоминал бабу. Каланжо выстрелил почти одновременно, он успел сориентироваться и снял из своей снайперки еще одного.

После этого мары кинулись врассыпную. Один развернул-

ся, наугад дал очередь – осколки камней брызнули у основания скалы. Каланжо тут же уложил стрелка. Остальные бежали, даже не пробуя отстреливаться. Виктор и Каланжо расстреляли их по одному. Когда упал последний, Виктор, забыв о всякой опасности, понесся по камням вниз. Потерял равновесие, упал, покатился, стукнулся коленом и локтем, штанину порвал. Добежал до дерева первым.

К сосне был привязан голый мужчина. Его прикрутили к стволу стальной проволокой. Да еще руки прибили гвоздями. Где они только взяли эти гвозди? Прибили давно: кровь успела свернуться. В ноздри пленнику мары воткнули остро заточенные ветки. В одно ухо – тоже. Всего, что мары učinили, Виктор даже и не разглядел – отвернулся. Перевел дыхание, перебарывая тошноту. Стал срочно искать, чем вытащить гвозди, чтобы парня от дерева отодрать.

И тут увидел, что один из маров жив – его только в руку ранило. Мар сидел на снегу, всхлипывал, сопли по губам и подбородку текли, здоровой рукой он успел вытащить из кармана бинтик. Рану хотел перевязывать. Тряпочку белую в его руках ветерком повевало, такой вот белый флаг получился. Жить мару хотелось.

Виктор поднял автомат. Ствол почти коснулся виска раненого. Парень замер.

– Ланьер, что ты делаешь?! – окликнул Виктора тонкий голосок.

Виктор лишь скосил глаза. Изящно ступая по палой хвое,

шагал Раф. Это он первым выстрелом из своей снайперки снял главаря.

– Мы берем в плен маров? – спросил Виктор.

– Нет.

– Тогда, зачем ты спрашиваешь?

– Его можно подлечить и продать, деньги нам еще понадобятся, – сказал Раф. Испытывает ли этот малыш какие-то чувства? Ненависть? Любовь? Страх?

– Как раба? – спросил Виктор с издевкой.

– Ну да. Рабы в Диком мире дорогие. – Вопрос его несколько не уязвил. – Тысячу патронов можно запросить. Парень на вид крепкий. А рана у него легкая. Царапина, а не рана.

– Хорошо. Свяжи подонка. Пусть в Картофельной деревне решают, что с ним делать.

Виктор опустил автомат и отвернулся. Его душила злость. Злился он на себя: во-первых, за то, что не смог пристрелить мара. Во-вторых, ему было стыдно, что хотел это сделать.

Пленного они все же отодрали от дерева. Возились довольно долго, а если учесть, что дерево росло на границе мортала, то каждый потерял как минимум неделю жизни. Однако справились. Втроем (тяжелый этот человек был неимоверно) дотащили спасенного до вездехода, надели манжету с физраствором на руку, закутали изувеченное тело в одеяло. Виктор вколол раненому морфий. Палки из носа и уха вытаскивать не стал – это была работа для хирурга.

– И что теперь? Повезем раненого в крепость? – спросил Виктор.

– Вы его мошонку в-в-видели? – дрожащим голосом спросил Димаш. – Ну почему они такие звери, а?

– До картофельников близко, – сказал Раф. На него художества маров, казалось, не произвели впечатления. Малыш, как всегда, был собран, спокоен и деловит. – За пятнадцать минут доедем. Этот парень, скорее всего, оттуда. Никакого транспорта рядом не было – значит, пешком пришел.

– У них что там, больница в деревне? – удивился Каланжо.

– Врач имеется. Дипломированный. Картошку со всеми растит и лечит больных в округе. Заодно предупредим, что мары близко, поинтересуемся, почему картофельники патрулей на дорогах не выставили и у крепости охрану, как всегда по осени, не запросили. Заодно картошку прикупим. Ес-

ли парню станет совсем худо, увезем в крепость. Войцех у нас чудеса творит.

«Мне бы практичность этого малыша!» – с завистью подумал Ланьер.

– Почему деревенские дороги не охраняют? – поинтересовался Виктор. – Или у них оружия нет?

– Есть у них все. Только картофельники пока еще маров не ждут. Знаешь, куда мародеры первым делом кидаются, когда врата закрывают?

Виктор, разумеется, знал, но ответил:

– Нет.

– Ха! Мары еще до отхода «синих» и «красных» вокруг командирских пунктов караулят. Ждут, когда командование уйдет. Вот тогда они на добычу бросаются. Потому как там всегда есть, чем поживиться. А по деревням они после Нового года пойдут.

Раф не обманул: в Картофельную деревню они прибыли ровно через пятнадцать минут. Поселение было обнесено не частоколом, а каменной стеной, с колючей проволокой по верху и караульными вышками по углам. Ворота, правда, висели деревянные, лишь обитые стальными полосами. Сейчас они были распахнуты: огромная фура пыхла, заезжая внутрь, – завозили лес. Наверняка у военных выменяли на что-то стоящее.

– Вы куда? – заступил им дорогу белообрый круглолицый парень с винтовкой. Но тут же подался назад. – Рады видеть вас, ваша светлость!

«Светлость? – удивился Ланьер. – Ах, да, вездеход герцога! И потом – сходство. Все, как рассчитал Бурлаков. Он меня наверняка отправил в эту экспедицию, чтобы убедить деревенских: герцог никуда не уходил, все в порядке, друзья!»

– Мы за картошкой, – высунулся малыш Раф из вездехода. – Ну, и еще одно дело образовалось. Мы покалеченного парня в лесу нашли. У маров отбили. Может, ваш? Здоровый такой.

– Рыжий? – тут же выпалил охранник.

– Может, и рыжий. А может, просто волосы в крови.

Охранник только заглянул в вездеход, увидел лицо раненого, да могучее плечо, что высывалось из одеяла, отско-

чил как ошпаренный. Кинулся к лесовозу.

– Кешка, наддай! – заорал он. – Ланса привезли! Скорее! Машине въехать надо. Ланса у маров отбили!

Но лесовоз как назло буксовал. И охранник, протиснувшись мимо машины, понесся куда-то.

– Они к нам не привяжутся? – спросил Димаш. – Скажут: мы этого беднягу покалечили. Кто знает, что этим деревенским в головы придет?

– Не привяжутся. Они меня знают, я бывал здесь не раз! – заявил Раф. Вокруг алого ротика искусственного ангелочка проступили глубокие складки. Виктору он показался измученным до полусмерти и старым.

– Пусть только посмеют! – Виктор гордо расправил плечи. – Не забывайте, что с вами приехал герцог собственной персоной. Запомнили, ребята. Герцог! Его светлость.

– Все помним, – спешно подтвердил Димаш, хотя было ясно по его обескураженной физиономии, что про уговор он точно забыл.

Лесовоз, наконец, рыкнул, газанул и заехал внутрь. За ним тут же последовал вездеход, аккуратно, будто на цыпочках, миновал выбитую грузовиками ямину у ворот и по главной (и единственной) улице напрямиком вкатился на деревенскую площадь. В центре площади стояла огромная ель – в деревне готовились к Рождеству и Новому году. Немаленькая оказалась деревня – домов сорок, а то и больше. Хорошие дома, двухэтажные, со ставнями на окнах, с верандами;

вокруг домов сараи, конюшни, коровники.

Народ уже высыпал наружу. Раф первым выскочил из машины – прежде Ланьера. Навстречу прибывшим выступил невысокий крепко сбитый мужик лет пятидесяти с лысым черепом и коротко остриженной рыжеватой бородой – сразу видно, что староста. За ним шагал давешний охранник.

– Добрый день, ваша светлость! Завсегда рады вас видеть! – поклонился староста. Низко поклонился. Но без подострастия. Похоже, вездеход герцога и сходство Виктора с отцом старосту обманули. – За картошкой приехали?

– За ней самой, Михал, – тут же встрял в разговор Раф. – Хороший нынче урожай?

– Не дурен. Дай-ка, гляну, вправду ли вы нашего Ланса нашли.

Подошел к вездеходу ближе, глянул, вздохнул, поскреб пятерней бороду.

– Ланса в дом несите, – приказал охраннику. – Пускай Кошей поглядит, что и как. Где вы его отыскали? – повернулся он к Виктору.

– Возле треснувшей скалы, – отвечал вместо Виктора Раф. – Его мары взяли в плен. Их было семеро. Мы их положили.

«Ну, надо же, положил он! Вот бахвал», – усмехнулся про себя Виктор и даже дернул ртом, не в силах подавить усмешку.

– Всех насмерть? Голову ему придерживай! Голову! – за-

кричал староста на неумелых носильщиков, что доставали из фургона раненого. – Эх, как они его. Всех говорю, насмерть?

– Нет, один живой, легко ранен. В кузове лежит, в мешке, связанный, – сказал Виктор. – Вам привезли в подарок. Вы решайте, что с ним делать.

– Достань-ка его, Вальдек, – велел староста тому парню, что охранял прежде ворота.

Тот бросился исполнять. С помощью Димаша извлекли пленника из кузова.

– Это же наш Кузька! – ахнул Вальдек. – Он летом сказал, что за ворота уйдет. Серебряных безделушек натырил и удрал. Вот с-сука...

– В карцер его! – приказал староста. – Запереть, не выпускать, охрану поставить! Там еще наши были?

– Нет. Только мары.

– Откуда вам знать, из наших они или пришлые?! Сам съезжу, погляжу. Накормите их, – бросил староста кому-то через плечо. – Вернусь – поговорим о цене на картошку. А ты, Адрюс, – приказал он юноше лет восемнадцати, – живо на коня да скачи в Грибное. Скажи: мары объявились, надо дозор ставить. Да напхни, что они нам трех коров задолжали. Не отдадут, картошку придержим. У нас хранилища бездонные в безвременной зоне. Картошка может три года лежать, и все будет – как вчера выкопанная. Они про это ка-женный год забывают, напоминать по пять раз надо. Так и скажи: не будет коров – картошки не получат.

Ясно было, что нарочно он это все говорил – для гостей из крепости. Цену набивал. Прижимистый мужик, ох, прижимистый. Но слушались его беспрекословно, команды выполняли с усердием. Хорошо картофельники жили под прищотом Михала.

И еще Виктор подумал, что староста с Бурлаковым наверняка в натянутых отношениях. То есть внешне делают вид, что дружат, но при этом друг друга крепко недолюбливают.

– Слышал, в крепости у вас в этом году народу больше обычного? – как бы между прочим спросил староста. – Значит, и маров будет – как грибов в сентябре. Ну, не мне тебя марами пугать, они твое имя заучили. После того как ты тридцать трупов вдоль дороги развесил. В безвременной зоне до сих пор трое болтаются.

«Отец?» – изумился Ланьер.

Но виду не подал. Лишь кивнул, изображая понимание. Он старался меньше говорить, уступая эту честь Рафу: все же голос у него отличался от отцовского – так сказал Бурлаков.

Женщина лет тридцати в затрапезной рабочей одежке провела гостей в ближайший дом, усадила посланцев крепости за стол на кухне. Еда была самая что ни на есть вкуснейшая – жареная на сале картошечка, да еще пиво домашнее. Пятеро гостей дружно навалились на угощение. Кажется, могли бы до утра челюстями работать, да боялись, что пузо лопнет.

– Картошка у них отличная, нигде больше такая не растет, – рассказывал Раф. – В прошлом году отдавали килограмм за патрон. Но в этом наверняка цены повысят. Уже пронюхали, что в крепости народу много. Значит, догадываются, жратва нам нужна позарез.

Мог бы и не говорить. Виктор и сам понял: староста своего не упустит. Раф приподнялся, зашептал в самое ухо:

– Сработало, точно, сработало. Никто и не заметил, что ты – другой!

– Молчи! – шикнул на него Виктор.

Раф подмигнул брату и уселся на место.

Вместе с гостями за стол пристроился какой-то мужичонка из местных, тощий, узкоплечий, длиннолицый, со светлыми глазами навывкате.

– И откуда только чужаки берутся, – бормотал мужичонка, споро работая ложкой. – Каженный год являются, и всем

жрать подавай. Всю нашу картоху сжирают, бездельники.

– Через врата они приходят, из другого мира, – механически отвечал Ланьер как порталщик привыкший на любой вопрос тут же давать ответ.

«Ты, как комп, что ни спросишь, тут же отвечаешь», – говорила ему Алена.

«Увижу ли я ее?» – подумал он с тоской.

Стало на душе тревожно, в жаркой кухне мороз подрал до костей. Алена, Алена... Он бы многое отдал, чтобы очутиться сейчас на той стороне и увидеть ее. Вспомнил вдруг, как они последний раз вместе встречали Новый год. Волна воспоминаний захлестнула его и понесла...

– Нет никакого другого мира! – завопил вдруг мужичок тонким срывающимся голосом, и Ланьер очнулся.

Мужичок выкатил глаза, рот скривил набок, да и все лицо перекосилось.

– Как нету? – Димаш так изумился, что перестал жевать. – Мы же оттуда весной пришли. Виктор Павлович, ну скажите ему!.. – И тут же осекся, сообразив, что ляпнул запретное.

– Нету другого мира! Вранье! Только наш мир есть! Только наш!

– Что ж получается, эта земля – одна-единственная? – хмыкнул Каланжо. – И нет ни Парижа, ни Нью-Йорка, ни Москвы?

– Все это было, да сгинуло! Война сожрала! – еще громче завопил мужичок. – А потом придурки всякие выдумали,

что есть другой мир, где всеобщее счастье и благоденствие, и никто там никого не убивает. Выдумки все это. Вранье! Только этот мир! Только один, наш! Это все, что осталось! А тот, второй, придумали, чтоб нас обманывать и картошку нашу отнимать.

Димаш с Том переглянулись. Капитан Каланжо пожал плечами, Раф повертел пальцем у виска.

– Интересная теория, – сказал Ланьер. – Что-то мне это напоминает.

Тем временем женщина из-за спины сумасшедшего делала гостям отчаянные знаки, умоляя, чтобы новички не лезли в спор – психа ни за что не разубедить.

– Иван Данилович, да знаем мы, знаем все это. Ты нам уже все доказал сто раз, – стряпуха погладила спорщика по плечу. – Нету второго мира. Мы – единственные.

– Ничего, скоро я вам все докажу, я вам покажу ваш хваленый Нью-Йорк. Увидите. И статую Свободы увидите. Все покажу. Лета надо только дождаться.

– И далеко отсюда Манхеттен? И здание ООН? – не мог успокоиться Димаш, слушая подобную ахинею. – Я, признаться, давно мечтал в Большое яблоко смотаться.

Мужичок вылупил глаза, затряс кулаками, как будто его смертельно, до глубины души оскорбили.

Но деспорить им не удалось – староста вернулся. Уселся за стол среди едоков картофеля. Лампа над головой, деревянный стол и люди вокруг – картина Ваг Гога ожила в лес-

ной деревне. Иван Данилович в присутствии Михала тут же присмирел, замолк, сунул пару горячих картофелин в карман, бочком выбрался из-за стола и шмыгнул за дверь – старосты он опасался.

– Нашел я место сражения. Ну, вы и постреляли там. От души, – сообщил староста. – Маров убитых мы подобрали. Зароем потом. Где могли, кровь снегом припорошили, а в мортале хвоей присыпали. Не надо чужакам знать, что маров там убили.

Хозяйка поставила перед Михалом блюдо с жареной картошкой и кружку пива.

Староста с минуту орудовал ложкой, потом глотнул пива.

– Сколько картошки возьмете?

– А всю, какую продашь, – отозвался Раф. – С собой возьмем не более тонны, но договор можем заключить и на двести центнеров.

– Ой, ли! Я дорого в этот год беру. По пять патронов за килограмм. И половину патронов вперед.

Раф даже подпрыгнул.

– Слушай, Михал, Бога п-побойся! П-пять патронов! Да т-такой цены никогда не было! – от волнения Раф стал заикаться. Досадуя на себя за слабость, мальчишка сжимал кулаки, но при этом начинал заикаться еще больше.

– В этом будет, – отрезал Михал. – Чем платить-то будете? Патронами или динариями?

– Чем? – не понял Каланжо.

– Это я герцога спрашиваю, – староста внимательно посмотрел на Виктора. – Нынче один динарий – десять патронов.

«Динарий – это, надо полагать, монета, – сообразил Виктор. – Только какая? Серебряная или золотая? И кто устанавливает ее курс по отношению к патрону?»

– Платим патронами, – сказал вслух.

– Староста, да ты никак позабыл: крепость тебя оберегает, люди генерала дозоры на дорогах несут! – торопливо заговорил Каланжо, заметив краткое замешательство фальшивого герцога. – Помнишь ты это? Или забываешь всякий раз, как дело доходит до торга?

– Так я по пять прошу только потому, что вы из крепости. Из дружбы к вам до пяти патронов цену снизил. Потому как в этом году у всех цена – десять. И меньше никто не запросит.

– А в прошлом году мы один патрон платили, – изобразил осведомленность Каланжо. Молодец, пригодилась инфа Рафа про старую цену.

– В том году у вас народу сколько было? Не знаешь? Тот... В прошлом году генералу целый караван с припасами через ворота прислали. А в этом году картоха плохо уродилась. В Грибном мортал сместился, и поле пшеницы поглотил – за два дня. Я им говорил – близко к морталу нельзя поля выжигать, так они не послушались, думали, умнее всех, три урожая за лето снимут. Вот и сняли – гниль одну да тру-

ху. Ладно, так и быть, я вам сотню патронов скину за пленного. Остальное – по пятаку.

– Мы можем заплатить... – сказал Виктор.

– Можем, но не заплатим, – тут же перебил Раф.

Судя по всему, торг предстоял нешуточный. На Виктора напала тоска. Подобная тоска нападала на него в те минуты, когда он понимал, что надо идти толковать с Гремучкой о повышении оклада. Был бы один, – тут же согласился бы на пять патронов за килограмм, тем более, что цена ему не казалась высокой – патронов у них было с собой достаточно. Но, судя по всему, Раф собирался биться до последнего, да и Каланжо сдаваться не собирался. Очень хотелось капитану показать, на что он способен. Ну и отлично. Как говорят в Диком мире, – врата перед ними открыты...

Виктора разморило после еды, и он стал понемногу проваливаться в сон. Вдруг померещились сугробы, висящий высоко в ветвях голый человек.

– Кто тут герцог? – выкрикнул юный голос.

Виктор дернулся, со сна не сразу сообразил, что ищут его, потом сказал:

– Я. – Вышло очень даже с достоинством.

– Просьба со мной пойти, – сказал явившийся с улицы мальчуган лет двенадцати. – Кошей вас прийти просит, то есть отец мой.

«Это здешний эскулап», – вспомнил Виктор. Собообразил, что речь наверняка пойдет о перевозке раненого в крепость

и лечении в тамошнем госпитале.

– Не волнуйтесь, за раненого будет плата, – пообещал староста и добавил, подмигнув: – Уж вам ли это не знать, ваша светлость! – И уже вдогонку крикнул: – Дом Кощея – третий по этой стороне.

Виктор вышел. Почти довольный, что его позвали, и не придется слушать ругань торгашей.

А Раф и Каланжо между тем не сдавались.

– Пленный тысячу патронов стоит, – настаивал Раф.

– Обычный пленный. Не мар. Если узнают, что мар, и сотню не дадут, – у старосты на все имелся резонный ответ.

– Так он же ваш, из вашей деревни. Свой почти. Неужели за своего только сотню даете? – опять попытался надавить на старосту Каланжо. Упорством и изворотливостью они равнялись. Но староста был в своем доме, а Каланжо – в гостях. Дома даже стены просят: не продешеви!

– Нет, теперь он – чужак, мар, – и только. Сто патронов. Ни одного больше не скину.

После жаркой кухни мороз снаружи показался пронизывающим. Уже наступали ранние зимние сумерки. Над дверью у входа горел приделанный к стене вечный фонарь, похожий на большого светляка.

Виктор глубоко вдохнул. Поежился. Вот бы с Аленой да на лыжах по лесу! Любил он такие прогулки. Да только редко удавалось вырваться из городской суеты.

– Сюда! – крикнул мальчишка. Он бежал впереди. – Скорее, ваша светлость!

Подвел к указанному дому. Провел через полутемные сенцы в комнату.

– Вот, – кивнул в сторону кровати и выскользнул за дверь. Человек на кровати был укрыт до самого подбородка. Голова обмотана пенобинтами. Сквозь повязку проступила кровь.

– А где врач? – Виктор огляделся.

Раненый дернулся. Одеяло поползло на пол, на Виктора уставился зрачок маленького пузатого пистолета.

– У меня игломет, – сказал раненый. – Дернешься – убью. – Голос звучал тихо, но твердо.

Виктор кивнул. Теперь он видел, что это совсем не тот человек, которого они привезли. Совершенно незнакомый. Да и от картофельников этот парень отличался. Те все как

на подбор румяные, упитанные. А этот тощий, жилистый, и кожа – болезненного желтоватого оттенка.

Удивительно, но Ланьер не испугался, – даже сердце не зачастило. Но сознание как будто в тот миг раздвоилось. Одна его половина хотела немедленно действовать: крикнуть, позвать на помощь, и одновременно – прыгнуть в сторону, уходя с линии огня. Вторая же хладнокровно оценила ситуацию и вынесла безрадостный вердикт: «Не выйдет». Шансов увернуться от летящих игл не было – он стоял слишком близко к кровати. До двери не допрыгнуть, укрыться нигде: комната мала. Две или три иглы непременно заденут.

– Ты приехал на вездеходе? На том, что во дворе стоит? – продолжал раненый.

Виктор вновь кивнул. «Раненый» легко встал с кровати, он был одет в камуфляж, только куртка висела на стуле. «Раненый» протянул руку, нашаривая ее, при этом не сводя с Виктора глаз. Невероятно, как он так быстро очухался?! Виктор пригляделся, стало ясно, что это совсем не тот человек, которого они отбили у маров. Да и дом наверняка принадлежит вовсе не эскулапу.

– Иди ко мне, – приказал неизвестный. – Очень медленно. Не спеша, без резких движений. Ну, чего ты стоишь? Думаешь, я не выстрелю? – «раненый» усмехнулся. – Игломет – игрушка совершенно бесшумная.

«Прыгай!» – мысленно прокричала та половина его души, что не желала смириться.

«Не вздумай», – остерегла другая.

Виктор сделал, как ему было приказано, медленно шагнул ближе.

– Сними кобуру и бросай на кровать. Опять же медленно, – командовал человек с иглометом. Он умел повелевать. На деревенского совершенно не походил. На мара – тоже. Кто же он тогда?

Виктор швырнул кобуру с пистолетом незнакомцу в лицо, а сам метнулся к двери, схватился за ручку, но распахнуть не успел. «Раненый» прыгнул следом, толкнул Виктора вперед и прижал к двери, игломет уперся Виктору в бок. Как же он сумел?..

– Я же просил: на кровать. А ты промахнулся! Теперь идем к твоему вездеходу. Вместе, не спеша. Ты садишься за руль, и мы выезжаем. Будешь умницей – останешься жив.

Внезапно сделалось жарко, желание сопротивляться пропало. Если бы кто-нибудь, когда они выйдут из дома, отвлек внимание этого парня. Хотя бы на миг...

– Куда едем? – спросил Виктор и не узнал собственного голоса. Рот пересох – язык едва ворочался.

– Скажу, когда будем за воротами.

«Раненый» шагал рядом, игломет по-прежнему упирался Ланьеру под ребра. Шансов одолеть парня не было никаких. Разве что «раненый» сам грохнется в обморок. Но поскольку никаких ран на его теле наверняка нет, то вероятность такого события стремится к нулю.

– В крепость я тебя не повезу, – предупредил Ланьер.

– Мне и не надо в крепость. «Дольфин» при тебе? Есть, конечно, – через мортал никто без «Дольфина» не ходит. Если в машине нет второго, будем из одного пить. Двигай!

Они вышли из сеней. Снаружи никого. Дети играли где-то за сараями, доносились их голоса. На елке, установленной на площади, перемигивались огоньки. «Молниеносный» застыл рядом с домом старосты. Обе дверцы открыты. О, беспечность! Том, глупый Том, почему ты не запер машину? И ключи надо было с собой взять!

– Тебе ничто не грозит. Если будешь делать, как я велю, – сказал «раненый». – Сию же минуту.

– Ты – мар? – спросил Виктор. Надо было потянуть время. Отвлечь. Заговорить зубы. Кто-то должен появиться.

Никто не шел как на зло.

– Нет, маров мы убиваем на месте.

– Кто это – «мы»?

– Узнаешь.

– Зачем я тебе?

– Заткнись! Иди к машине, бежать не вздумай.

«Может быть, садануть локтем?» – подумал Виктор.

Безнадежно! Эта штука тут же выстрелит. Игломет – чисто механическая штучка: пружинка, капсула с иглами. Никогда не отказывает даже в мортале.

Виктор протиснулся на место водителя, его похититель поместился рядом.

– Езжай.

Если повезет, застоявшийся на морозе вездеход не заведется. Не повезло – двигатель пыхнул эршеллом и тихо заурчал. Виктор дернул машину. Не вперед – назад. Впилился в крыльцо. Сейчас выбегут.

– Староста! Каланжо! Димаш! – выкрикнул Виктор, но его никто не услышал.

– Без фокусов. Вперед! Или застрелю! – прошипел «раненый».

Ну, где они все?! Неужели никто не выйдет? Неужели? Ничего, у ворот непременно караулит охранник, ворота будут заперты, вездеход придется остановить. Виктор ударит по тормозам и схватит похитителя за руку, позовет на помощь! Этот парень явно не хочет его убивать, так что шанс есть...

«Не валяй дурака: нет у тебя никаких шансов», – вновь зазвучал трезвый голос.

Тем временем вездеход беспрепятственно катил по улице поселка. Навстречу – ни души. Ворота открыты, охранника не видно. И в будочке никого. Да что ж это такое! Все сговорились, что ли? Или этого парня ведет Судьба? И Ланьера – тоже ведет? А впрочем, – что ж тут удивительного? Герцога тут все знают. Картофельники герцогу не указ!

Может, все-таки попробовать? Затормозить? Поздно! Вездеход уже миновал ворота. Виктор попытался зацепить столб слева, но лишь царапнул бортом.

– А ты упрямый! – Похититель еще сильнее вдавил ствол игломета Виктору в бок. – Только учти: я могу выстрелить в ногу. Это будет очень-очень неприятно. Ты не умрешь, но останешься калекой – гарантирую. А может быть, и умрешь. Но не сразу. Такой вариант меня тоже устроит.

Они проехали метров двести по дороге. Пошел легкий снежок.

«Куда бы ни поехали, у меня еще будет шанс, – решил Виктор. – Машину этот парень вести не может. Въеду в портал, а там... Серебряный медальон при мне, вездеход неуязвим. Я прорвусь, Алена... Алена выведет!» – Он едва не выкрикнул это вслух. Но сдержался.

– Теперь куда? – спросил у своего конвоира.

– Доедешь до перекрестка и свернешь направо.

Ага, направо – значит, точно не в крепость. Это хорошо. Не придется врезаться в ближайшее дерево. Еще можно побороться.

– Охрана на перекрестке имеется? – допытывался «раненый».

– Не знаю.

– Езжай быстрее.

– Это как получится.

И тут до Виктора дошло. Если направо, если по этой дороге... Карта Каланжо всплыла перед глазами. Если направо, то они едут к *той самой* зоне портала. К той зоне, в центре которой – белое пятно. Если этот парень не мар (а он не

мар – это Виктор чувствовал), тогда он явился из Валгаллы – больше неоткуда. И едут они теперь именно в Валгаллу. Через мортал, через ловушки в вездеходе, защищенном от мортала серебром. Вот он, шанс – другого не будет. Судьба ведет! Виктора ведет, а не его похитителя. Ланьер случайно может найти то, ради чего Гремучка отрядил своих людей в экспедицию за врата. Арутян безуспешно пытался прорваться в эту зону летом и так нелепо погиб вместе с другими. Вырваться больше не имело смысла. Рисковать, бежать – глупо. Ланьера насильно привезут туда, куда он сам стремился.

Но на что рассчитывает похититель? Путь наверняка неблизкий. Поедут через мортал. Неужели этот парень думает, что сможет бодрствовать несколько часов подряд? Одно движение в нужный момент, игломет окажется у Виктора.

Сзади мелькнул свет. Две точки. Свет фар? Огни приближались. Машина? Погоня? Что делать? Ехать быстрее, или наоборот – затормозить? Виктор не стал делать ни того, ни другого. Даже не обернулся посмотреть, кто же за ними гонится. Он знал: все решится само собой...

Озноб по коже. На миг сдавило виски. Но тут же пропало. И свет там, позади, исчез.

– Мы сейчас в мортал въедем, – предупредил Ланьер раненого. – Возьми «Дольфин».

– Где?

– Справа сумка.

Раненый пошарил под сиденьем, достал бутылку с кон-

денсатом. Но при этом руку с иглометом не на сантиметр не сдвинул.

«Он меня не обыскал. Нож в кармане. Я могу ударить прямо сейчас. Или подождать? Пусть он меня приведет в свое логово. Нет, раньше. В удобный момент. Пленным я туда не поеду. Туда победителей зовут. И я должен явиться – как победитель».

Теперь Виктор был уверен, что вся эта кровавая вакханалия с марами была подстроена – мародеры были приговоренными к смерти статистами, как и несчастный парень у дерева, а похититель – режиссером, что дергал ниточки из закулисья.

Снег прекратился. По обеим сторонам дороги стояли огромные деревья. Вmortале нет времен года, не поймешь: то ли осень, то ли весна, то ли промозглое лето.

– Странная вещь. Мне всегда казалось, что дорога должна исчезать в mortале мгновенно. А она лежит ровная, нигде не завалило даже, – рассуждал Виктор. – И все время ни день и не ночь, а серость какая-то.

Виктор говорил монотонным голосом, при этом то и дело поглядывая на своего спутника. Тот задремал. Голова похитителя склонилась на грудь и покачивалась при каждом толчке из стороны в сторону. Ланьер не спеша достал бутылку, выпил пару глотков, медленно положил «Дольфин» в карман. Игломет по-прежнему упирался ему в бок, но без прежнего нажима. Наконец рука с оружием соскользнула.

Ланьер был свободен. Почти. Сейчас! Подходящее время для удара. Затормозить и одновременно ударить ножом. Нет, не на смерть, а всадить в руку, что держит игломет. Разоружить. И уж тогда поговорить по-своему.

«Но как ты попадешь в Валгаллу?» – напомнил Виктор себе.

«Приеду по дороге. Здесь она – одна. Скажу: вы позвали – я принял приглашение. Генерал сказал: на этом вездеходе можно куда угодно добраться!»

Пальцы нащупали рукоятку ножа. Виктор медленно вытаскивал руку из кармана.

Торможение. Щелчок фиксатора, лезвие обнажилось. Удар. Рука ушла вбок и оказалась прижатой к сиденью. Боль огнем метнулась от запястья к локтю. Пальцы разжались сами, рукоять ускользнула. Боль заставила тело выгнуться, прижаться лицом к рулю.

– Очень глупо! – сказал конвоир твердым голосом.

Он еще чуть-чуть усилил захват, и Виктор, как ни сдерживался, закричал в голос.

– Глупо! – повторил «раненый» и отпустил руку Ланьера.

Но боль не ушла сразу. Она как будто просочилась внутрь, растворилась. Похититель поднял нож, проверил, как выбрасывается лезвие.

Виктор отшатнулся. Но сила этого движения оказалась невероятной: он ударился плечом в дверцу, распахнул ее, вылетел наружу, перекувырнулся через голову и упал меж де-

ревью – шагов за двадцать от дороги.

На несколько мгновений он потерял сознание. Когда очнулся – похититель стоял над ним.

Виктор приподнялся, но тут же вновь повалился на спину: правая рука от локтя до кончиков пальцев сделалась чужой, деревянной.

«Боль поможет переместиться, попробуй», – вспомнил Виктор слова Кори. Вот он и попробовал. Нельзя сказать, чтобы удачно.

Левой рукой Ланьер притянул к себе онемевшую правую, прижал к телу, как ребенка, баюкая. Вдруг понял, что на глазах слезы от боли и унижения.

Теперь он заметил, что «раненый» стоит совершенно прямо. В его фигуре не было и намека на слабость.

– Очень глупо, – в который раз повторил похититель. – Ты должен понимать: у тебя против меня ни единого шанса. Еще одна попытка – и я тебя изувечу. Если думаешь сбежать и вернуться назад пешком – не надейся. Ты не вернешься. Через мембрану не перебраться.

– Я проходил сквозь морталы, – выдавил Виктор, превозмогая боль, странное упрямство не позволяло признать себя побежденным.

– Думаешь, я оставлю тебе хоть гран серебра, герцог? – голос «раненого» был теперь весел.

Похититель наклонился, просунул ледяные пальцы под одежду и сорвал с шеи серебряный медальон с портретом

Алены.

– Не делай глупостей, тогда Император будет к тебе добр, – сказал посланец Валгаллы.

Щелкнул замочком, раскрыл медальон.

– Красивая телка. Герцогиня? Неужели в Диком мире есть такие красотки? – медальон исчез в кармане. – Вытяни руки вперед.

– Что?

– Руки вперед!

Виктор повиновался. Запястья сковали наручники.

– Теперь вставай. Иди к вездеходу.

Подняться удалось только со второй попытки. Посланец Валгаллы шел рядом и отдирал ото лба полосы засохших пенинбинтов и фальшивой крови.

Интересно, что бы случилось, если б Виктор попытался там, в комнате, разоружить этого человека, учитывая, что его похититель устроил простенький спектакль? И кровь – не кровь вовсе, а имитация, краска, обман. Этот человек провел его как идиота. Интересно, похититель со старостой заодно, или этот парень сам по себе? Теперь уже не выяснить. Да и зачем? Дурацкая привычка порталыщика – пытаться понять все до самого конца, докапываться до сути любого явления.

Виктор шагал назад к вездеходу. Его шатало. Правая рука почти не слушалась. А что если нырнуть в полосу тумана и рвануть через мортал? Боль в руке. Ее можно использовать, чтобы переместиться мгновенно – как говорила герцогиня. В кармане «Дольфин» и упаковка пищевых таблеток. Граница не так далеко. Самое сложное, – обойти ловушки. Но этот человек сказал: мембрана. Она не пропустит назад. Медальон у похитителя. Без серебра через мортал не пройти. Да и зачем?.. Валгалла. Она ждала Ланьера! Так зачем же бежать? Удирать зайцем, не имея шансов спастись? Удирать от того, к чему стремился. Куда ведет Судьба – по твоей просьбе ведет. Ты не знал – она за тебя все устроила. Приходилось признать *fait accompli*¹. Но являться пленником на поводке – это унижительно. Герцогу не подобает так приходить.

¹ Свершившийся факт (фр.)

– Я сяду на место водителя, – сказал «раненый». – А ты теперь отдыхай.

Виктор обогнул вездеход, залез в кабину, уселся на место пассажира.

– Генрих Вольф, – представился похититель. – Не думал, что тебя будет так легко захватить, герцог.

В голосе посланца Валгаллы мелькнуло самодовольство.

– Зачем я тебе нужен? – спросил Виктор.

Глупый вопрос. Герцог – долгожитель, первым миновавший врата. Сколько тайн он знает? Наверняка – не счесть. Но Виктору Ланьеру не известна ни одна из них. Для Валгаллы Польш представляет огромный интерес, а Виктор – не стоит патрона, который на него придется истратить. Хорошо это или плохо? Кто знает! «Сенсашки не бывают хорошие или плохие. Они бывают острые и пустые», – любил повторять Гремучка.

– Император хочет тебя видеть, – говорил тем временем Генрих, приковывая наручники пленника к сиденью вездехода цепью. Где он все это раздобыл? Приготовил? Или нашел в машине? Мелькнула нехорошая догадка.

– Император повелел привезти герцога.

Виктор не стал спрашивать, кто такой Император и какой империей он правит. Что-то подсказало ему, что эти вопросы неуместны. Герцог знает (наверняка должен), кто такой Император.

Генрих был заботлив, вложил пленнику в скованные руки

бутылку с «Дольфином».

– Пить не забывай. Мы в мортале. Впрочем, не мне тебя учить. Как рука?

– Онемела.

– Скоро пройдет. Я думал, ты – сильнее. И ловчее, круче. Хотя рванул ты здорово. Если честно, я не верил, что такие мгновенные прыжки возможны, пока сам не увидел.

Они ехали неспешно. Вездеход шел в контактном режиме, но очень мягко, как будто плыл. Виктор смотрел прямо перед собой. Серая полоса покорно стлалась под колеса. Что слева и справа от дороги – почти не разглядеть.

– Ты давно в этом мире, Генрих? – спросил Виктор, отхлебывая воду из «Дольфина».

Герцог не стал бы говорить с похитителем. А порталыщик – болтун. Готов с кем угодно обсуждать что угодно. Пусть парень говорит, пусть даже врет. Вранье – оно тоже показательно. Кто и как врет. Умей извлекать смысл из словесного мусора, – и ты победишь. Сначала – простые вопросы. Потом – чуть сложнее. И так незаметно, как бы само собой, мы заговорим о важном.

– Два года, – просто отвечал Генрих на простой вопрос.

– Тебе нравится Дикий мир?

– Конечно. Он – настоящий.

– Император тебя ценит?

– Император мудр.

– Как ты узнал, что я появлюсь в деревне?

– Император все знает, – заявил Генрих. – Он сказал, что ты приедешь к картофельникам.

– Нам далеко ехать? Мортал все-таки. С ним лучше не шутить.

– Не бойся. Я выведу тебя пописать.

Все тело горело. Опасность. Интрига. Игра. Все это называлось – порталить. Рисковать, чтобы достигнуть. Обманывать, чтобы добраться до истины. Во что бы то ни стало узнать, что происходит, с кем происходит и где. Что это – любопытство, жажда истины? Нет, нет и нет, все это не те слова. Знаешь, что не можешь выиграть, но ведешь игру. И в глубине души веришь (не смотря ни на что, просто никому в этом не признаешься), что сможешь одолеть целый мир. Дикий или ручной – неважно. Для Генриха ты – герцог? Отлично! Играй порученную тебе роль. Не бойся, что тебя раскусят. Генрих никогда не усомнится в своих выводах, в своем Императоре и в Валгалле. Надо только уметь говорить с такими как Генрих. Помнить, что их нельзя переубедить. Но можно их слепую веру, как нож, обратить против них самих.

Итак, – Валгалла. Имя уже само по себе создавало образ: рай, мертвецы, война. Эти три слова сплетались неразрывно. Император Валгаллы. Воображение тут же пририсовывало усики на обманчиво мягком лице. Остановившийся взгляд некрофила.

Все это – магия штампа. На борьбу со штампом уходит девяносто процентов сил. Ты уже обескровлен до того, как поднял свой меч. Непредвзятость – хорошее слово, но трудно быть таковым. Чем-то мы восхищаемся, потому что нам

это внушили. Но что-то любим по зову души, и эту любовь можно уничтожить только вместе с душой. Почему-то наделенные властью забывают об этом.

Виктор не мог полюбить Валгаллу, потому что не любил замкнутые пространства, императоров и приказы, ненавидел любое давление, ненавидел знаки «доступ закрыт». Сам по своей воле он мог от многого отказаться – почти без труда. Но приходил в ярость, когда от него кто-то что-то требовал.

Мысли начали путаться. Виктор задремал. Сквозь сон мелькали образы. Алена, серебряный медальон, Валгалла.

Виктор очнулся. Будто кто-то толкнул под ребра. Генрих сидел прямо. Взгляд – точно перед собой. Сверкала серебряная сеть на лобовом стекле, сияли белым полосы серебра в кабине. Мортальный лес был уже позади. Перед ними лежала белая равнина, а посреди нее возвышалась монолитная серо-зеленая скала.

– Милое местечко! – Виктор почувствовал неприятный озноб. Будто холодные пальцы коснулись позвоночника.

Нет, не снег. Это белый песок. Пустыня, ледяная и безвременная. Виктор невольно глубоко вдохнул, будто пытался уловить ее запах – запах смерти.

– Впечатляет? – Генрих насмешливо прищурился. – Император первым попал сюда. Император, а не ты с генералом, хотя вы пришли в Дикий мир раньше.

– Я знал, что вы меня пригласите в гости. Во всяком случае, надеялся. – Виктор продолжал играть герцога. Получа-

лось не слишком удачно. Но для Генриха сойдет. Он не усомнится в своем успехе. А, значит, и в том, что перед ним – именно герцог.

– Ладно, хватит дурачиться. Валгалла не любит клоунов, – одернул Генрих.

– Может быть, тогда мне не следует идти с тобой?

Виктор невольно сжал и разжал пальцы правой руки. Кажется, они вновь действовали. Только ноющая боль вяло текла от запястья к локтю.

– Обрато тебе не вернуться. Валгалла окружена кольцом неправильного времени.

– Правильное время – это счастливое время? – уточнил Виктор. – А неправильное – время войны и несчастий? Так?

– Это – главная мембрана. Просто так внутрь не пройти никому. Даже тебе. – Похоже, Генрих был чужд юмору абсолютно.

– Ты знаешь туда дорогу? – спросил Виктор почему-то шепотом.

– Конечно.

Вездеход шел вперед толчками. Будто конь мчался галопом, время от времени беря препятствия. Дорога виднелась едва заметным светящимся пунктиром от кромки смертного леса с серой скале. От одного взгляда на это белое пространство, слепящее, неподвижное, пустое, у Виктора бежал меж лопаток озноб. Он думал о Димаше, сидящем сейчас в теплом доме в картофельной деревне, об Алене, оставшейся

в другом мире.

Скала медленно надвигалась. Потом Виктор увидел в скале какое-то подобие норы, она становилась все больше, на-ползала, превращалась в арку. Вон он, вход – сверкающие металлические ворота. Загробный мир, рай погибших воинов, которые продолжают вести сражения, приют бессмертных. Валгалла. Ворота открылись, и они въехали внутрь.

Мир

Глава 4

1

Взятый напрокат мобиль баракхлил. Поль Ланьер даже опасался, что последние сто метров придется идти пешком, но старая железная кляча все же дотащила до ворот виллы. На колченогом плетеном стуле у входа сидел привратник – толстяк в белых штанах и рубаше, в драных сандалиях. Толстяк дремал, сцепив руки на объемистом животе.

– Команданте Тутмос дома? – крикнул Поль, высунувшись из видавшего виды мобиля. По-испански он говорил почти без акцента.

Толстяк-охранник от неожиданности даже подпрыгнул на сиденье и тут же вскочил, схватил висящий на спинке пояс с кобурой, принялся пристраивать на условную талию. Застегнуть почему-то не удавалось. Так, держа пояс с кобурой в руке, толстяк подбежал к машине. По дороге потерял сандалию с правой ноги, спешно поднял и вприпрыжку добрался до машины. Теперь в одной руке у него была кобура, в другой – сандалия.

– Как звать тебя, камрад? – спросил Поль, оглядывая при-

вратника.

– Мигелем, синьор. Команданте просил передать, что не будет варить грибной суп.

– Грибы? Признаться, они мне поднадоели еще в Диком мире. Так что я не особенно расстроен подобным заявлением.

– Не понял. – Мигель захлопал глазами. – Грибов не будет синьор. Команданте не будет варить грибы... – попытался толковать он непонятливому гостю.

– Я – старый друг команданте. Герцог Поль. Открывай ворота, или команданте оторвет тебя яйца и сварит с грибами, а я помогу.

Мигелю, разумеется, была дана команда чужаков не пропускать. Но Поль так глянул на него, что привратник тут же кинулся исполнять приказ.

«Надо будет сказать Тутмосу, чтобы искал более стойкого камрада для ворот, а этого отправил на кухню – пусть дальше жиреет», – думал Поль, заезжая в просторный, мощный белой плиткой двор. Здесь мобиль заглох окончательно. Как загнанные лошади д'Артаньяна, которые обычно сдыхали в самый ответственный момент.

– Команданте купается, – сообщил Мигель и потрусил вперед – сообщить, что прибыл странный гость.

Информация оказалась неточной. Команданте не купался, а сидел в шезлонге подле бассейна в белом халате и в купальных туфлях. Привычные символы команданте сегодня

отсутствовали – ни перьев, ни кителя. Имелись черные очки, они лежали на столике поверх затрепанной бумажной книги. Команданте был немолод, плохо выбрит, а его длинные черные волосы оказались крашеными – у корней они отличались серебром. В бассейне с ярко-синей водой плескались двое детей: мальчишка лет двенадцати и девчонка лет шести. Мальчишка сделал вид, что не обращает внимания на гостя, а девочка подплыла к бортику, взяла из вазы, стоящей на самом краю, грушу и принялась есть, не вылезая из воды.

– Ба! Герцог! Наконец-то! – Команданте кинулся навстречу Полю с распростертыми объятиями.

Титул сейчас как нельзя шел Полю: светлый новенький костюм, белоснежная рубашка, широкополая шляпа – он походил на аристократа из старого фильма, решившего развеять тоску в экзотической обстановке.

– Смотрю, ты не плохо устроился, – заметил Поль, высвобождаясь из объятий Тутмоса и оглядывая бассейн и просторную площадку вокруг.

– Детям здесь хорошо, – сказал команданте.

– А ты привез мне коробку конфет? – спросила юная сеньорита. – Ты обещал.

– Я обещал ей конфеты? – удивился Поль. – Не помню, чтобы такой разговор состоялся.

– Конечно, обещал. Вот такую, большую-пребольшую коробку, – девочка попыталась двумя руками обозначить размеры коробки и соскользнула в бассейн вместе с недоеден-

ной грушей.

– Не знал, что у тебя ребятишки, – засмеялся герцог.

– Что, не похож на отца семейства? – Тутмос самодовольно ухмыльнулся.

– Конечно, не похож!

– А ты на себя глянь, бродяга! Ты ведь даже не знал, что у тебя на этой стороне сынок подрастает, пока я тебя не просветил. Впрочем, дело нехитрое: настрогал ребятишек – и гуляй. – Тутмос хмыкнул. – Вот только, когда я особняк этот купил, жена тут же пронюхала. Подкинула мне спиногрызов, деньги забрала и умотала. Заявила: «Я столько лет с ними нянчилась – теперь твоя очередь». Хорошо, Мария, кухарка их приняла как своих. Кормит в три горла и на подзатыльники не скупится.

– Может, с кухаркой у тебя и порядок. Как она, ничего? – Поль изобразил руками округлости груди.

– Раза в три больше. И годков ей за шестьдесят.

– Тогда с кухаркой, в самом деле, полный порядок, чего нельзя сказать об охране. Твоему Мигелю самое место на кухне.

– С охраной тоже нормально. Ты слышал про наш марш Открытых врат? В новостях о нас каждый день говорят! Открыть врата! Объединить миры! – выкрикнул команданте, как будто уже возглавил колонну марширующих. – Народ прибывает, мы все ближайшие гостиницы уже заселили, поле арендовали у папаши Мигеля (все равно на нем ничего не

растет), палатки поставили. Но люди все идут и идут, к тому же экологи к нам привязались: мол, туалетов не хватает, канализация не проведена. Отправил я ребят своих разбираться. Мигеля с кухни пришлось снять и к воротам пристроить.

– Так он с кухни? – расхохотался Поль. – Как же я угадал!

– Да чего тут гадать, это ж сразу видно. Кстати, он говорил тебе, что грибы не нужны?

– Говорил, но я ему не поверил.

– Так ты догадался! Я же говорил, что грибы – это очень просто.

– Конечно, любой коп решит, что речь идет о нариках.

– Да ладно! Я же не торгую... Ну, так, балуюсь для себя. А тут один сосед меня достал. Увидел: я только что купил богатый особняк, народу много пришлого крутится, и каждый раз все новые. Ну и решил, что у нас тут наркосиндикат. Каждый день приходит и говорит: давайте, я тоже будут нариками торговать. Вместо «нарики» говорит «грибы». Достал!

– Провокатор?

– Возможно. Но, скорее всего, дурак. Тут кухарка является, говорит: «На обед грибной соус хочу сделать», а я как заорю: «Не смей детей к грибам приучать!» Смех, да и только.

– Кстати, а ты купил то, о чем я просил?

– А как же! Конечно! Все готово! – Тутмос подмигнул. – Веселье будет почище, чем на карнавале. Эй, Мигель! – позвал команданте. На крик его явился вовсе не толстяк-охран-

ник, а невысокий подвижный юноша, тоже одетый во все белое. Но его полотняные белая рубаша и штаны выглядели почти элегантно. Не говоря о белых шелковых носках и белых туфлях. – Мигель, скажи на кухне, что у нас гости к обеду. Будет двадцать человек.

– По-моему, я – один, – заметил Поль.

– А я сказал – двадцать. – Тутмос хмыкнул. – Один гость – это скучно. Двадцать – весело.

– Весело! – кивнул юный Мигель и кинулся выполнять приказ команданте.

– Отличный парень, – объявил Тутмос. – Сирота. Он может оправиться со мной, куда хочет и куда я его позову. На марш протеста – так на марш протеста. А можно сразу за врата. Его никто не держит. Это замечательно, когда человека ничто не держит. Кстати, ты вовремя приехал. Мы двинемся вместе в поход. Гоу энд край! Весело! А? Пойдешь со мной в первом ряду. Если подстрелят, это будет героическая смерть. Мы идем в Чичен-Ицу. То есть в прошлое. Сверить себя с прошлым! Мне всегда этого хотелось! «Марш открытых врат» – красивое название, правда?

– Когда выступаете? – спросил Поль. Похоже, предстоящий поход его заинтересовал.

– Через неделю. Так ты пойдешь с нами?

– Игрушки здесь?

– Ну да! Что я, дурак, держать в доме игрушки? У меня тайный лагерь в джунглях, вырыта пещера и там – подарочек

для тебя.

– Хорошая вилла! – Поль покачал головой, оглядывая роскошный особняк в колониальном стиле.

– Брось, герцог! Не надо завидовать! Разумеется, твой замок в Диком мире менее удобен, зато выглядит куда величественнее. Кстати, не хочешь искупнуться? Плавки есть в беседке. Вода чудесная. Я не могу Лору выгнать из воды. Она и ест в бассейне. Лора, вылезай! – крикнул Команданте.

Но в ответ в воздухе только мелькнули белые пятки: Лора в очередной раз нырнула на дно.

– Ну вот! – вздохнул команданте. – Видишь?! У нее скоро жабры вырастут. Пойдем в дом, пропустим по стаканчику перед обедом.

В гостиной почти весь пол покрывала огромная шкура медведя. Голова, прекрасно выделанная, походила на живую. Стекланные глаза налиты фальшивой кровью, желтые клыки (настоящие) оскалены, пасть разинута.

– Тот самый? – спросил Поль.

– Угу. Впечатляет? Да? Дыры я заделал. Не видать, где ты шкуру продырявил.

– Неужели я слышу в твоих словах упрек?

– Ну что ты! Моя шкура мне все же дороже медвежьей.

Тутмос открыл бар, достал бутылку виски, налил себе и гостю.

– За тебя, Поль! И за твой чудесный Дикий мир.

2

Гостей за столом набралось не двадцать, а человек пятьдесят. Уже стали прибывать участники марша. Пока рядовые последователи команданте спали в палатках на поле папаши Мигеля, командиры десятков и сотен заполонили роскошный дом и сад виллы. Повсюду бродили, сидели на столах, курили, сбрасывая пепел в китайские вазы незнакомые люди. Но вели они себя так, будто как минимум десять лет проучились друг с другом в одной школе. Повсюду слышалось «Хелло!», и следом смачные шлепки по плечам и ягодицам и громкое чмоканье. Похоже, Тутмоса это нисколько не раздражало. Как и то, что за обедом всем не хватило не только жаркого, но и хлеба. Принесли из кладовки банки с консервами (почему-то все без этикеток) и принялись вскрывать наугад. Кому-то досталась лососина в томате, кому-то – мясной паштет. Из буфета выгребли все запасы хрустящих хлебцев. Потом какая-то развеселая девица под хмельком отправился на кухню печь лепешки. Двое парней поехали в город за пивом и мясом, но так и не вернулись.

Многим гостям пришлось расположиться прямо на полу или на подоконнике: в столовой оказалось слишком мало стульев. Как выяснилось, половину забрала супруга команданте, которая накануне наведальась в гости с фургоном, до отказа забила его мебелью и посудой и укатила.

– Скоро народу будет еще больше, – пообещал Тутмос.

– Это хорошо, – кивнул Поль. – Мы выступим вместе. А потом я уйду.

– Черт! Давай, я с тобой! Мы добежим до Чичен-Ицы, сделаем пару заявлений, напугаем до обморока ребят с Уолл-стрит, а потом нырнем. А?

– Нет. Это все должно происходить одновременно. Ты идешь в Чичен-Ицу, а я следую своей дорогой.

– На кой мне черт эта Чичен-Ица? Что я там забыл? Портальщиков? Они мне и так надоели. Берут постоянно интервью и ни хрена не платят. У меня уже мозоль на языке образовалась – столько я интервью надавал.

– Команданте, подавать больше нечего, – сообщил Мигель, тот, что был юн и кудряв и сохранил за собой место на кухне.

– А вино есть?

– Вино в подвале.

– Тащи сюда! – велел Тутмос.

– Честно говоря, выпивки, по-моему, и так хватает, – заметил Поль, оглядывая публику за столом. Большинство гостей было уже пьяно вдрызг. Из-под стола доносился громкий храп.

– Если еще кто-то стоит на ногах, значит мало.

– Пойдем, поглядим игрушки, – сказал Поль, поднимаясь. – А они пусть пьют. Пьют и блюют. Я не люблю глядеть, как народ скидывает харч.

– Неужели ты брезглив? В медвежьих кишках копать не брезговал.

3

Они шли тропой, прорубленной в джунглях. Тутмос шагал впереди, в левой руке он нес вечный фонарь, в правой – мачете. В юности команданте был рубщиком сахарного тростника, и тогда его называли не команданте, а мачеторос.

– Тропинку три дня назад чистил, и вот, пожалуйста, она уже заросла, – пыхтел Тутмос, обрубая ветки, что пытались преградить ему дорогу. – Если бы в Диком мире зону войны прочертили в джунглях, было бы куда интереснее, как ты думаешь?

– Я бывал в южных районах. Там весьма интересно, особенно, когда тебя кусают тамошние мушки боро. Только в отличие от здешних личинки, которые они сотнями откладывают под кожу, в три раза крупнее, – отозвался Поль. – Язвы образуются с кулак. Если не лечить, можно умереть за неделю. Когда меня в первый раз укусили, я ножом вырезал из-под кожи личинки.

– Зато нет снега и морозов. Терпеть не могу холода! Ну, вот мы и пришли! – объявил команданте.

Тропинка оказалась на редкость короткой: метров пятьсот, не больше. Поль надеялся, что Тутмос устроит тайник где-нибудь далеко в джунглях, а не под боком, в нескольких шагах от виллы и ближайшей деревни, где любой крестьянин или обитатель соседней гасьенды мог обнаружить землянку

и позвать копов.

Тутмос тем временем раскидал ветви, которыми был замаскирован вход, встал на четвереньки и полез в открывшуюся узкую черную нору. Полю ничего не оставалось, как ползти следом. В темноте он не видел, во что превращаются его светлые брюки. Но очень хорошо это представлял.

Наконец узкий лаз кончился, и они очутились внутри землянки.

– Ну, как тебе? – спросил команданте, отдуваясь.

Он вставил фонарь в небольшое углубление, а сам уселся на узкий топчан, застланный шерстяным одеялом. Ткань была влажной и пахла плесенью.

– Не слишком близко от поместья? – спросил Ланьер, оглядывая низкие своды.

– Я с моими ребятами сначала вырыл пещеру куда дальше, нарисовал схему, отметил, где пещера. А потом схему потерял, теперь пещеру не могу найти. Пришлось вырыть вторую. Сюда можно добраться без всяких схем.

Тутмос вытащил из ящика, стоявшего в изголовье лежака, две банки мясных консервов и бутылку вина.

– Угощайся. Хорошо здесь. И как тихо! Слушай тишину.

Тишина действительно была абсолютной. Жизнь кончилась, время остановилось, а они вдвоем – остались и никогда из этой землянки уже не выберутся.

«Раньше подобные мысли меня не посещали. Тихий ватный мир оплетает меня своей паутиной», – с грустью поду-

мал Ланьер, открыл банку и принялся есть. Из-за стола в гостеприимном доме команданте он поднялся голодным.

– Пещеру было трудно вырыть, – рассказывал Тутмос, выживая ножом куски мяса из банки. – Тут только сверху земля, а дальше – каменистый грунт. Я часто прихожу сюда. Погашу фонарь и сижу в темноте, в тишине. Похоже на Дикий мир. Мне кажется иногда, что я и не возвращался в наш Вечный мир. Все еще там. Там здорово!

Тутмос вздохнул. С деревянного потолка, просачиваясь меж досок, капала вода.

– Тогда почему ты не остался? – спросил Поль.

– Почему? – Тутмос скривил губы. – А это хороший вопрос! Да потому, что не мог бросить своих ребятишек. Дорогих моих ребятишек, которые тянутся ко мне со всех уголков. Кто их поведет дальше по дороге. Кто, если не я? А?

– Куда поведет?

– А это никуда не годный вопрос. Все мы идем к смерти. Нет другой цели. Ясно? – Команданте тяжело вздохнул.

– Эта землянка похожа на склеп. Значит, она – цель?

– Не передергивай! Я говорил – главное дорога. А на все остальное – плевать. Хочешь, я расскажу тебе притчу? – И прежде чем Ланьер успел ответить, Тутмос принялся рассказывать: – Как-то я решил поехать в город. Взял у соседа старенький джип, но машина на бензине все не заводилась, я долго возился, перемазался весь, наконец, мотор затарахтел. Тут подходит ко мне сосед старик Мигель и спрашивает:

«Далеко ты едешь, сынок?» Я отвечаю: «В город». Он мне в ответ: «Ты неправильно сказал, сынок. Нельзя знать, куда ты приедешь в конце, можно лишь готовиться к пути – длинному или короткому. Вот я и спрашиваю – длинный у тебя путь впереди или короткий?» Ты понял, амиго, что я хотел сказать?

– Что ж тут не понять? – улыбнулся Ланьер. – У нас с тобой длинный путь. У большинства – короткий.

– Цели нет ни у кого, потому что ее в принципе не может быть. Вся разница – идешь ты или стоишь на месте, дрыхнешь, ходишь в офис, лижешь задницу начальству. Я постоянно чувствую неудовлетворенность. Я что-то должен делать, куда-то спешить. Мне нужна война!

– Насколько я знаю, за всю жизнь ты никого не убил. Ни человека, ни медведя, – заметил Поль.

– Неправда. Я застрелил трех куропаток. Помню, от первой моей куропатки почему-то осталась только грудка, голова да крылышки, а ножки и все остальное куда-то делось. И еще я стрелял в оленя.

– Но промазал.

– Позволил ему уйти. Но я все равно выстрелил. Когда человек стреляет, он протестует против устоявшейся жизни. Хорош только протест, он чист и лишен всякой корысти. Протест ради протеста. Путь – единственная цель. Достигнуть власти – несчастье. Об руку с властью идет корысть. Я хочу до конца остаться бескорыстным. Думаешь, меня этот

особняк развратил? Ничуть. Я отдохну немного, погляжу, как Лора плещется в бассейне, и продам его. Да, продам, а деньги пушу на наше дело.

Вода, капая с потолка, выбила в полу небольшое углубление.

– Твоим детям надо где-то жить, – заметил Поль. – И им нравится на вилле.

– Им незачем привыкать жить во дворце, пусть учатся легко расставаться с богатством. Когда у тебя что-то есть – это всегда можно отнять. Нельзя отнять только мысли и чувства. Это твое – навсегда. Там в долине у ручья пасутся три коровы, – неожиданно сообщил Тутмос. – Давай украдем их, зарежем, навялим мяса на солнце.

– Зачем? – не понял Ланьер.

– Для похода.

– Не проще ли заехать в город на грузовике и купить консервы, галеты и питьевую воду. Или в магазинах уже не продают консервы?

– К черту консервы! Я хочу вяленого мяса. К тому же экологи требуют с меня полмиллиона евродоллов за то, что установили по пути нашего марша до Чичен-Ицы временные кемпинги и сортиры. Разумеется, я им ни шиша не заплачу – достаточно того, что я потерял свои жетоны на сто тысяч евродоллов, пока ездил в Мехико. Наверняка их украл какой-нибудь шустрый журналюга. А дома у меня из кладовой исчезло сто банок тушенки. Я одного не могу понять: кто мог

физически упереть сто банок по килограмму весом?

– Может быть, это какой-нибудь здешний медведь? У меня в Диком мире из тайника медведь повадился банки со сгущенкой воровать. Утащит банку сгущенки, лапой ткнет в нее, когтями вспорот, и высосет сгущенку. Все банки со сладким стащил. А с тушенкой ни одной не тронул.

– Вот видишь, даже медведь не хотел жрать мясные консервы. Амиго, давай украдем коров – пасиков грабить не грех.

– На этой стороне нет пасиков.

– На этой стороне все пасики. Все до единого. Даже те, кто побывал за воротами. У меня руки чешутся их расшевелить. Украдем коров, а наутро принесем им отрубленные коровьи головы. Нет, не так, три медвежьи головы! – Команданте воодушевился.

– У тебя есть под рукой три медвежьи головы?

– В том-то и дело, что нет. Как всегда, самого нужного не хватает!

Команданте достал из-за топчана завернутый в пленку герметичный кейс. Открыл. Внутри в отлитом по форме углублении покоился новенький «Гарин». По бокам – две запасные батареи.

– Оттуда? – спросил Поль.

– Конечно.

– У меня из замка стырил?

– Угу. А ты, небось, и не заметил?

– Заметил. Но я тебя простил. Ладно, показывай игрушки.

Тутмос поднялся (хотя и не в полный рост – распрямиться до конца не позволял потолок) и отодвинул слепленную из корявых деревяшек заслонку. За ней висела какая-то тряпка, поросшая кустиками плесени. За тряпкой в маисовой соломе лежал два серо-зеленых, матово поблескивающих цилиндра.

– Вот они, красавицы. Ну, как тебе? – хмыкнул Тутмос.

Поль подался вперед, ожидая, что почувствует знакомый холодок меж лопатками. Но ничего подобного не ощутил.

– Они же не настоящие! – сказал, отступая.

– Конечно! Муляжи. – Тутмос и не думал отпираться. – Стал бы я подлинные игрушки хранить здесь без охраны?

– Но я же просил тебя достать нужные детали.

– Думаешь, это так просто? Подкупить охрану, все переправить в тайник. Легко сказать – переправить! В каждом стабилизаторе – пятьсот килограммов. Мой человек едва заикнулся, как его тут же замели – насилу мне удалось его выцарапать из рук стражей.

– На что тогда ушли мои деньги? То золото, что я тебе дал на той стороне? На этот пластик и картон?

– На особняк. Думаешь, откуда он взялся? Подарил глава Мирового правительства? Или стражи врат? Ну и на организацию марша ушло немало. То есть очень-очень много, – уточнил команданте.

– Тутмос... – В голосе Ланьера послышались очень низкие ноты. Что-то похожее на рык.

– Ты еще не понял? Марш – это то, что нам надо. Это путь к решению нашей проблемы. Мы погрузим на платформу муляжи и повезем.

– И что дальше?

– Увидишь.

Интермедия

Команданте Тутмос

Охота на медведя

1

Команданте то ли слышал от кого-то, то ли читал (теперь уже не вспомнить, где), что Лев Троцкий был человеком необыкновенной смелости, на медведя ходил с одним «Наганом». Когда медведь вставал на задние лапы, председатель реввоенсовета стрелял ему в сердце и валил зверя.

Тутмос хотел проделать то же самое.

То есть поохотиться на завратного медведя с одним «Магнумом». Казалось, самым трудным будет найти медведя, — чтобы попался взрослый самец, и на открытом пространстве. Но Тутмосу повезло: медведь встретился, и довольно быстро. На большой поляне. Зверь выбрался из малинника и не спеша пересекал поляну. Из травы виднелась только спина и огромная голова. Но мишка почему-то не торопился вставать на задние лапы. Заметив человека, он помчался на Тутмоса, набирая скорость (этакий мясной локомотив под тысячу килограммов, и пасть с огромными зубами). Только в Диком мире встречаются такие экземпляры.

«Стоять!» – отдал Тутмос себе приказ. Но тело не пожелало слушаться. Само по себе, уже не повинуюсь комку серого вещества в черепной коробке, повернулось и понеслось. Тутмос мчался, летел. Медведь настигал. Ближайшее дерево было слишком далеко.

Команданте оглянулся. Медведь был всего в нескольких шагах. Тутмоса обдало его смрадным дыханием. И тут грянул выстрел. Тутмос пробежал еще шагов пятьдесят, прижался спиной к огромной березе и только тогда развернулся. Пуля угодила огромному зверю под левую лопатку. Зверь грохнулся с разгона о землю, но тут же попытался подняться. Теперь команданте увидел охотника, он был в сотне шагов, перезарядил двустволку без суеты, но очень быстро, и выстрелил еще раз – в ляжку, чтобы зверь уже наверняка не смог встать. Потом еще раз перезарядил ружье. И только тогда осмелился подойти зверю и выстрелил уже не из ружья, а из «Беретты» медведю за ухо почти в упор.

Команданте продолжал стоять, прижавшись к березе. Никак не мог отлепиться от дерева. Просто не мог, и все. Прирос. Охотник обошел убитого медведя, покачал головой и направился к команданте. На вид спасителю было лет тридцать, вид он имел воистину дикарский: длинные волосы, усы и короткая бородка, загорелое лицо. Недорогой, но добротный камуфляж – зеленый с коричневым, – хамелеонил, но немного. Парень был экипирован для прогулки в здешнем лесу: кожаный пояс, пистолет и солидный охотничий нож,

патронташ. За плечами – легкий рюкзачок. Охотничье ружье, явно дорогое. Картинка из портала «Дикарь», да и только.

– Даже пуля в сердце здешнего медведя не остановит, – пояснил охотник, подойдя. – Нужно стрелять так, чтобы зверя завалить. Крупный медведь на той стороне около шестисот килограммов. А этот – куда больше. У меня двенадцатый калибр.

– Двенадцатый? – переспросил команданте. – Но двенадцатый – это вот такая пулька. На уток охотиться... – Команданте изобразил пальцами что-то крошечное. И презрительно сморщился.

– Охотничий калибр, – пояснил его спаситель. – Число обозначает, сколько круглых пуль можно отлить из одного фунта свинца. Поэтому двенадцатый калибр больше шестнадцатого. И я заряжаю ружье не дробью, а пулевым патроном. Пуля Бренеке. Если ты попадешь в утку такой пулькой, то вряд ли от нее потом что-то останется.

– А, ну да, ну да, теперь вспомнил, конечно, фунт свинца делить на двенадцать, – пробормотал команданте. Во рту пересохло, язык походил на наждак. – Чертов медведь! Ну и смердит от него.

Охотник протянул Тутмосу флягу. Команданте хлебнул. Оказалось – коньяк.

– Один заряд непременно должен быть в стволе – на всякий случай. Я видел однажды, что осталось от парня, кото-

рый выстрелил два раза подряд, не перезаряжая. Вторая пуля скользнула по черепу. – Охотник похлопал команданте по плечу. – Обычно, если мне нужна целая шкура, я беру карабин с оптикой, чтоб попасть зверю в глаз. Но тебе повезло – сегодня у меня была двустволка.

– Не ожидал, что этот зверь так быстро бегают, – признался Тутмос.

– Думал, он будет ждать, когда ты к нему подойдешь и выстрелишь? Да еще лапы вверх поднимет? – спросил охотник. – Почему-то все именно так представляют охоту.

Они расхохотались. Команданте никак не мог успокоиться.

– Бешеный адреналин, правда? – спросил сквозь смех.

– Бодрит, – согласился охотник. – Он кинулся на тебя, когда ты взвел курок. Слух у зверя отличный, он отличает незнакомые звуки от шелеста шагов или треска сучьев. Он ничего не боится. Вот и захотел с тобой познакомиться.

– Рауль, – назвал команданте своим настоящим именем. Так его никто уже не звал лет двадцать. Даже жена и дети именовали его «Тутмос» и «команданте».

– Герцог Поль, – представился его спаситель. – Мой замок на перевале. Заглянешь в гости?

– А медведь? – Тутмос глянул на огромную тушу. – Неужели бросим?

– Ни в коем случае. Сейчас подойдут мои люди. Все заберем – и шкуру, и тушу. Бывает, стрелки балуются: зава-

лят медведя, желчь вырежут, шкуру заберут, а тушу бросят гнить. Один такой генерал летал на вертушке, стрелял медведей. Двенадцать штук завалил, пока я его не выследил. Медведицу с маленьким медвежонком и пестуном ² убил.

– И что ты с ним сделал? – спросил зачем-то Тутмос.

– Пристрелил. Как полновластный правитель своего герцогства вершу лично суд и расправу.

– Сам пристрелил? – спасенный сглотнул и покосился на охотничье ружье своего спасителя.

– Ну да, карабин с оптикой, выстрел в голову, прямо в лоб. Не люблю никого мучить.

² Пестун – подросший медвежонок из предыдущего помета.

2

В эту ночь они ночевали не в замке, а в палатке герцога. Сидели у костра, варили медвежье мясо, пили коньяк и болтали.

– Слушай, неужели не сварилось? А? – удивлялся Тутмос. Он проголодался, а медвежатина так аппетитно булькала в котелке.

– Сварилось, конечно. Но если не хочешь подцепить паразитов от этого зверя, мясо надо варить часа четыре. Учужал, как у него из пасти смердит?

Тутмос кивнул.

– Потому как лопает он всякую пакость, обожает тухлятину. Видел, какие у него кишки? Как арматура для сантехники. Он все что угодно переварить может. Рыбы наловит, сложит в кучу и ждет, пока она тухнуть начнет. Помнишь гору рыбы у реки?

– Я думал, это люди наловили.

– А медвежьи следы рядом?

– Так медведь на готовенькое приходил. Нет?

– Нет, конечно. Медведь сам отличный рыболов. Тебе повезло, что ты встретил медведя летом, а не по весне, когда он только-только из берлоги вылез. Он ведь во время спячки не гадит, в кишечнике у него здоровенная пробка, когда просыпается. Потому бегают по лесу, жрет, что ни попадя, только

бы кишечник освободить. В эти дни он на любого встречного броситься может. А летом сытый зверь на человека нападает, если ему пути отхода перекрыты. Но все равно не советую бродить по лесам одному. Опасно. Можно запросто подвернуть ногу. Или сломать. Один пропадешь, – поучал новичка герцог.

– Я не один. У меня тысячи друзей. – Тутмос смотрел на огонь и улыбался.

– Почему ты не взял с собой хотя бы одного?

– Они здесь, рядом, скоро придут. Те, кто не может принять условия того, сладкого, приторного Вечного мира.

Герцог тронул стволом ружья полог палатки.

– Где они? Здесь? Что-то не вижу никого.

– Ты видишь тех, кто пришел в этот мир и остался. А я вижу тех, кто был и ушел. Они существуют.

– Ты не серьезен.

– Я всегда серьезен. Но каждое утро я принимаю таблетки от властолюбия. Они вызывают приступы несерьезности. Если я перестану их принимать, то мне захочется власти. Если получу власть, то стану диктатором. Буду обижать и мучить людей, а я не хочу никого мучить, точь-в-точь как ты. Я – игла, которая снует между мирами. Весной я прихожу в Дикий мир, осенью – возвращаюсь. Смысл жизни – в цикличности. Когда цикл нарушается, кончается жизнь.

Герцог наклонился, помешал палкой в костре. К черному небу устремились алые и желтые звездочки. И погасли.

– Что ты ищешь в здешнем мире, Рауль?

– Чистый воздух. Хотя бы раз в год человек имеет право на глоток чистого воздуха. Это совсем немного.

– Ты лжешь, – герцог улыбнулся. Отсветы огня играли на его лице. – Но мне нравится твоя ложь.

– Я не лгу, – заявил Тутмос. – Просто я вижу события до того, как они произойдут.

– Послушай, Рауль, мне нужен союзник на той стороне в одном опасном деле.

– Ты с кем-то собрался воевать?

– Именно. Со стражами врат. С мировым правительством. С человеческой тупостью и благодушием.

– У тебя много врагов, но это по мне! – радостно рассмеялся Тутмос. – Ты спас мне жизнь, я в долгу перед тобою навсегда.

Война

Глава 5

1

– Три патрона за килограмм, – продолжал торговаться Раф.

– Четыре! – наконец уступил староста. Они спорили уже час. Или больше? Судя по тому, сколько выпили пива – гораздо дольше.

– Три с половиной, – Раф оказался упорнее.

– Половина – это как? Попролам патрон пилить будем?

– А мы четное количество килограммов картошки возмем.

Староста на минуту задумался. Пошевелил губами...

– Три с половиной? Не пойдет, слишком мало.

– А на чем вы картошку повезете? И чем расплатитесь? У вас патроны по карманам лежат? – поинтересовался дюжий парень с белой, будто присыпанной мукой кожей и белесыми ресницами.

«Кажется, его Вальдеком зовут», – вспомнил Каланжо.

Белобрысый, придя с улицы, не раздевшись, только скинув шапку и варежки, принялся есть картошку прямо со ско-

вородки.

– Патроны в вездеходе, в багажнике, – отвечал Каланжо.

– Так уехал твой вездеход. Тю-тю. А на слово картофельники не верят.

– погоди! Как это нету?! – всполошился Том. – Ты о каком вездеходе говоришь?

– О вашем. Вы на нем приехали. Тот, что для мортала серебром окован, – невнятно, с набитым ртом сообщил Вальдек. – Пива налейте, а то подавлюсь.

– Наш вездеход?! – Том уронил картофелину на пол. – «Молниеносный»? Но почему? Кто... кто позволил! – Том вскочил и бросился наружу.

– Вы его сами и украли! – сказал Димаш.

– Не гони волну! – огрызнулся Вальдек.

– Объяснить ты что-нибудь можешь толком? – спросил староста.

Каланжо схватил автомат и вскочил.

– Ваш герцог на нем уехал. – Белобрысый наконец проглотил картофелину. – Я как раз из дома вышел, когда они мимо проезжали. Гляжу, ворота уже распахнуты, и герцог, не тормозя, на вездеходе чешет. Только за воротами уже чуть с деревом не поцеловался. Пошел сменщика в будочку спросить, куда он поехали в темноте-то, и почему ворота в такой час отперты, только гляжу: сменщик на полу сторожки валяется и дрыхнет. Я его будить, а он не просыпается.

– Он один уехал? – Каланжо вновь сел.

– С ним был наш Генрих. Из новичков.

– Кто такой Генрих? Ваш человек? – спросил Каланжо.

– Пришлый. В деревню три недели назад прибился. Пришел в форме «красных» и остался. Сказал, хочет в Диком мире навсегда поселиться.

– Ничего не понимаю! – признался Димаш. – Куда они поехали? Зачем? Виктор... То есть герцог... ну... наш... в общем... пошел навестить раненого. Генрих – это раненый?

– Нет. С чего вы взяли? – удивился староста.

– Да чего тут понимать! Догонять их надо! – воскликнул Димаш. – Тут дело не чисто!

– Давно они уехали? – Каланжо вновь поднялся.

– Уж полчаса как, – белобрысый отхлебнул пива.

– Почему сразу нам не сказал? Почему их не задержали в конце концов? – все больше горячился Каланжо. Равнодушие деревенских его не просто раздражало – бесило.

– А я знаю? Может, вы нарочно за этим парнем приехали? И потом – кто из наших посмеет герцога остановить? Герцог этот мир знает как никто другой. Он самовластный. Что хочет, то и делает. Ему никто не указ, ни деревня, ни мортал, ни Валгалла. Если едет – значит, надо ему. Герцог мне отчета не дает.

Каланжо махнул рукой: спорить – дело безнадежное.

– Надо догонять! – решил капитан. – Машина есть? – обратился он к старосте.

– Джип могу дать. Но в залог два цинка с патронами.

– Два цинка! – передразнил Каланжо. – Разве мы не должны друг другу помогать?

– Мы зиму пережить должны, – отвечал мрачно староста. – Два цинка гони и бери машину. Просто так не дам. В мортале машину несложно покалечить.

– Да этих машин, по дорогам брошенных, – бери не хочу! – вскипятился Каланжо.

– Вот и бери, коли успеешь добежать и мары не пристрелят, – хмыкнул староста.

– А где мы два цинка возьмем, если все патроны у нас в вездеходе остались? – задал резонный вопрос Димаш.

– Ладно, берите джип без залога, но помните – он два цинка стоит, – уступил староста. – Генералу скажите: не так все в этом году. Наперекосьяк. Кто на воротах стоял?

– Петро, – отозвался Вальдек. – Я его домой стащил. Нечего ему в сторожке валяться. И ворота запер.

– Почему меня сразу же не предупредил? – похоже Михал разозлился. – Успели бы твоего Петрушу в тепло отвести! А так за это время они черт те куда уехали.

2

Джип оказался небольшой, но вместительной машиной, к тому же имелась защита от мортала. Кабина посверкивала серебряными заклепками. Стекло здесь, как и в вездеходе герцога, покрывала ажурная сеть из серебра. Том, уже успевший обегать чуть ли не все деревню и даже за ворота выскочить, вернулся назад, к тому месту, где стоял джип, и за чем-то принялся оглядывать следы на снегу.

– Зря едем, никого уже не догоним, – сказал Раф, – тем более, у них вездеход герцога, эршелла хватит половину здешнего мира объехать.

– Хватит болтать! Том, садись за руль! – приказал Каланжо.

– Не могу, – Том чуть не плакал.

– Я сяду, – предложил Раф.

Том не возражал. Он выглядел потерянным после угона «Молниеносного» – то смотрел в одну точку, то начинал всхлипывать. Раф вел машину умело и даже лихо. В свете фар все быстрее кружились снежинки. Вот-вот завьюжит – тогда и следов не найти.

– Не заблудимся? – встревожился Каланжо. – Ишь, сколько белых мух налетело!

– Если Виктор вездеход покалечит – убью! – пообещал Том.

– Получается, Виктора Павловича нарочно к раненому по-
звали. Выманили из дома. Ловушка это была. Так? – сказал
Димаш. – Но зачем?

– Вернемся – спросим, – пообещал Том. – И пацану тому
морду набьем.

– Может, он в крепость поехал? И мы зря переполоши-
лись? – окрылился надеждой Димаш.

– Виктор Ланьер – не здешний герцог, как дикарь вести
себя не стал бы, – рассудил Каланжо. – Он бы нас непременно
предупредил, если б решил куда-то ехать сам, по доброй
воле.

– Точно, Виктор Павлович нас бы не бросил, – поддакнул
Димаш.

Они доехали до перекрестка и вылезли оглядеться. Сле-
ды псевдоколес явно указывали, что вездеход свернул напра-
во. Значит – не в крепость, а по дороге к морталу. К тому
же вездеход проехал совсем недавно: следы не успело зане-
сти. Возможно, Вальдек ошибся, и с момента угона вездехо-
да прошло минут десять-пятнадцать.

«Тот самый мортал, в центре которого белое пятно», – со-
образил Каланжо. И закричал внезапно сорвавшимся голо-
сом:

– Гони!

Все кинулись в машину. Джип рванулся с места. Полетел.
Буквально: псевдоколеса не касались снежной колеи. Перед
ними в свете фар отчетливо читался след псевдоколес везде-

хода. Судя по колее, тот, кто сидел за рулем, не спешил. Не опасался погони? Или – напротив – ждал!

– Нагоним! – кричал Димаш. – Нагоним!

– Рот закрой, – предложил Каланжо. – А то язык прикусишь.

И вправду, машину трясло.

– Я их вижу! – закричал Раф.

– Гони! Быстрее! – надрывался Каланжо. – Скоро мортал!

Гони!..

Докричать не успел. Впереди вдруг закружилась поземка, снежные вихри закрутились, белый водоворот подхватил джип. Машина перестала слушаться руля и стала разворачиваться поперек дороги. Раф только пискнуть успел. Попытался удержать машину, но не сумел. Джип вильнул и на полной скорости врезался в высоченный сугроб. Каланжо показалось, что его по голове дубиной огрели: звезды из глаз брызнули – как будто в самом деле чем-то тяжелым приложили. Если бы в дерево – разбились бы насмерть. А так – лишь обездвижились, когда машина нырнула в снег.

3

Будь Виктор по-прежнему со своими друзьями, он бы разглядел, что вихрь возник не сам по себе. Его крутили, загоняя, как пушкинскими бесы, призраки мортала. Он бы услышал их крики и разобрал, что они постоянно повторяют одно и то же: «Приказ, исполнить приказ». Но Виктора не было в джипе. И потому никто этих воплей не услышал и не увидел кружащих в снежных вихрях бесов.

Первым очнулся Димаш. Из носа текла кровь, в ушах звенело. Чувство было такое, словно внутри все перетряхнулось. И теперь желудок и сердце оказались не на своих местах. Димаш, плохо соображая, что к чему, попытался открыть дверцу. Не получилось. Налег плечом. Дверца не шелохнулась – снаружи ее подпирал снег. Рядом зашевелился Раф. Закрутил головой, чихнул. Ударил ладошками по стеклу.

– Хочешь выбраться? – фыркнул Димаш и закашлялся. – Ну-ну, попробуй.

– И попробую! – Раф стер кровь с лица рукавом курточки. Опустил стекло на дверце и полез наружу. Коленом уперся Димашу в плечо, каблуком угодил в ухо.

– Полегче, гномик! – разозлился Димаш.

И замолк – комья снега залепили рот. От холода очнулся Каланжо – снег угодил ему в лицо и за шиворот. Последним в себя пришел Том.

– Я обмочился, – признался Том.

Остальные чертыхались, барахтаясь в снегу.

– Я снаружи! – донесся тоненький голосок Рафа. – Тут никого нет.

Том перебрался на место водителя и попытался дать задний ход – не получилось. Джип увяз накрепко. Пришлось

откапывать с помощью лопаток. Откапывались больше часа.

Дальше ехали уже без всякой надежды, на малой скорости. Вездеход не нагнать. Была слабая надежда: вдруг тот сломается. Или... Каланжо внимательно вглядывался в освещенную фарами дорогу. Вдруг знак какой оставил им Виктор. Но ничего они не заметили, никаких особых знаков не встречалось. Перед ними на дороге только снег. И рубчатые следы псевдоколес.

У границы мортала встали.

– Куда теперь? – спросил Том.

– Витьку похитили, – изрек Каланжо истину, уже очевидную всем. – Едем за ним.

– У меня штаны мокрые на морозе-то! Яйца отморожу, – захныкал Том.

– Не отморозишь: у нас в джипе печка, – обнадежил Каланжо.

– Я же говорил: не догоним их, – сказал Раф. – Надо поворачивать – впереди глубокий мортал. Там полно ловушек. Это опасная зона. Сюда никто никогда не заходит. Только призраки.

– А Виктор Палыч? Что с ним? Бросить, да? – возмутился Димаш. – Дорога есть. Гляди! Будто стрела прямая. Вездеход проехал.

– Вездеход герцога. Он нарочно для мортала сделан. Отец всегда говорил, что эта дорога запретная, – поведал Раф. – Нельзя нам по ней ехать. Сгинем.

– Отец говорил... – передразнил Каланжо. – Что ж он тебя не предупредил о всякой сволоте, по этим дорогам шляющейся? – Ты хоть знаешь, куда эта дорога ведет?

– Отец сказал однажды, что в центре смертного леса укрыта Валгалла.

Каланжо отошел в сторону, достал карту, рассматривал минуту, другую. Потом спрятал.

– Что теперь делать будем? – На преследовании он больше не настаивал.

– Капитан, пошлем к черту все эти рассказы! – предложил Димаш. – Рванем напрямую. Рискнем. Я знаю: мы прорвемся. Виктора Павловича спасем.

– В крепость надо возвращаться, – гнул свою линию Раф. – Расскажем генералу, только он может решить, что делать.

– Ага, вернемся без везуха, без картошки, без Ланьера. Генерал нас расстреляет! – предрек Каланжо.

– Не расстреляет. Бурлаков никого никогда не расстреливал. Он – гуманист, – заверил Раф.

– Мы будем первыми жертвами гуманиста, – вздохнул Димаш. – Так облажались!

– А я бы шлепнул, – хмыкнул Каланжо. – Тебя, Раф, в первую очередь.

– За что? – изобразил недоумение малыш.

– За то, что не предупредил, гномик! А должен был – ведь ты наш проводник.

– Откуда мне было знать, что в деревне засада?

– Должен был знать! Твой отец часто в деревню заглядывал?

– Осенью – всякий раз либо он, либо я картофельников навещали, – признался Раф.

– Лучше бы тебя украли, гномик, – Каланжо спрятал карту. – Разворачивай машину. Возвращаемся.

– И что же, «Молниеносный» так и пропадет? – уныло спросил Том.

– Видимо. Или думаешь, его покататься взяли, а потом вернут?

– Куда едем? В крепость? – Раф в отличие от Тома продемонстрировал несгибаемость духа. Или полное равнодушие – тут сразу не понять.

– Сначала в деревню, – решил Каланжо. – Там заночуем. А потом рано утром в крепость поедем.

Больше никто не спорил. Развернулись и поехали.

Экспедиция не удалась. Это надо было признать. Полный провал. Отчет об экспедиции краткий: облажались, генерал! Каланжо, исходивший этот мир в течение пяти сезонов вдоль и поперек, разбирался в дорогах и здешних приметах. Дорогой, которая виднелась сквозь серый сумрак мортала, он бы ни за что не поехал. Даже если б машина у него была полностью из серебра. Однако этот Генрих (подлинное имя или фальшивое, значения не имеет) на дорогу свернул без опаски. И что выходит? Выходит, что Генрих сам пришел из

Валгаллы. Как дважды два. До глупости простая ловушка. Обидно, что угодили в нее с ходу. Ланьера похитили, вездеход угнали. Особенно злило, что предусмотреть все это они не могли. Ланьер обычно все ловушки обходил. Да так ловко, будто его предупреждал кто. Получалось, что этот раз на ухо никто не шепнул.

У ворот деревни их ждали белобрысый Вальдек и староста. Оба были вооружены. Вечные фонари гирляндой висели на воротах, давая изрядно света.

– Догнали? – спросил сразу же Михал. И тут же ответил сам себе: – Не догнали, раз без вездехода вернулись.

– Сообразительный ты у нас, – вздохнул Каланжо. – Мы у вас заночуем? Не против?

– Ночуйте. Не выгонять же вас. – Староста снисходительно хмыкнул. И шепнул на ухо. – А кто это был с вами? Ведь это не герцог, да?

– Герцог, он самый, летом в мортале долго был. Изменился, – соврал, как умел, Каланжо.

– Говорят, он завел дружбу с команданте Тутмосом и его герильей, – проявил свою осведомленность Михал.

– Кто это? – Каланжо в самом деле не знал, кто такой Тутмос.

– Очередные искатели приключений. Мы называем их «новые безумные». Я бы с ними не стал иметь дело. Все они горлопаны и бездельники, и нюхают хрон. Кричат, что надо

прекратить воевать и всем обняться. А потом, пообнимавшись, идут воровать нашу картошку. Ладно, ладно, я сделаю вид, что верю всей лапше, что вы мне тут вешали на уши. Идемте, у меня дома переночуете. По деревне без меня никуда не ходить. А то еще кого-нибудь похитят, а мне перед генералом за вас отвечай.

Том напрасно стучал в дом Кощея, рвал ручку двери: ему не отпирали. Потом оконце приоткрылось:

– А ну п-шел отседова! Спать не мешай! – крикнул грубый голос. Вряд ли эскулапа – скорее, лесоруба, а в прошлом, наверняка, стрелка.

Однако Том и не подумал робеть. Еще раз грохнул ботинком в дверь.

– Пацана позови, Кощеева детеныша! Потолковать с ним надо.

– Спит он уже, – отозвался все тот же хрипатый.

– Разбуди!

– Вот еще! Не тебе, пацан, мне приказывать.

– Разбуди! – потребовал Михал, отстраняя Тома и поднимаясь на крыльцо.

Ему тут же отворили. Здоровяк в ватнике на голое тело провел Михала и Тома на кухню. Здесь горела вечная лампа. И на стуле, одетый в теплый свитер и рейтузы, сидел давешний мальчишка, тот, что выманил Виктора Ланьера из дома. Сидел, съезжившись, глядя в пол. Ожидал расправы.

– Ну, рассказывай, Рустик, чем тебе Генрих заплатил, чтобы ты ему в спектакле подыграл, – сказал староста, усаживаясь на табурет напротив.

– Да я... я просто так, дядя Михал, – попробовал запе-

реться Рустик. – Сказали, я пошел и позвал. Откуда мне знать – для чего.

– Не лгать! – рявкнул староста.

– Две пачки сигарет дал, – признался Рустик. – И жвачку. Жвачку я уже съел. А сигареты – вот. – Рустик выложил пачки на стол.

Приоткрылась дверь, худой тощий человек в халате и вязаной шапочке шагнул на кухню несмело.

– Да ладно тебе, Михал! – попробовал защитить сына Кощей. – Ну, глупость сотворил, искушению поддался, так мальчишка ведь. Что ж нам, казнить его теперь?

– За глупость надо платить. Явятся псы – рабов покупать после Нового года, продадим.

– Да ты что? – Кощей стал рвать халат, царапать грудь, будто хотел что-то спрятанное достать и отдать старосте, как Рустик только что отдал сигареты. – Побойся бога! Да за что мальчишку-то?

– Я же сказал: за глупость. – Михал был невозмутим.

– Дядя Михал! Простите! – заревел Рустик. – Я вам скажу, я такое нашел, случайно... Я отдам! Вот.

Он кинулся на колени, поднял деревянную плашку в полу, и извлек из простенького тайничка припрятанное днем: кобуру от игломета. Похитителю было несподручно лежать, ожидая жертву, держа под одеялом не только игломет, но и кобуру с ремнем. Вот он кобуру и бросил за кровать, а пацан после уже нашел.

Михал взял находку, повертел в руках. Кожа хорошая, заклепки металлические, пряжка серебряная, и на ней эмблема – венок, меч и орел.

– Знак Валгаллы. Вот откуда этот Генрих пожаловал. – Староста покосился на Тома. – Они ждали герцога, знали. Осенью герцог непременно придет в деревню. Ну что ж, дождались. Ладно, Рустик, не будем тебя продавать. – И староста слегка тронул Тома за плечо. Разрешал пару раз виновного приложить. От души.

Том не сдвинулся с места.

– Ты чего? – спросил Михал.

– Надо было запереть вездеход, – пробормотал Том. – Сам виноват.

И кинулся вот из дома.

Мир

Глава 6

1

– Проснитесь, команданте, к вам какие-то люди приехали. – Толстяк Мигель тряс хозяина за плечо. – Я просил их отправиться на отцовское поле, но они не уходят.

Тутмос лежал поперек огромной кровати, зарывшись лицом в подушки. С кровати даже не сняли шелковое покрывало. Измятое, оно свешивалось с одного края на пол. На кровати валялось так же несколько посторонних предметов: огромный серебряный поднос, рассыпанная колода карт (теперь уже наверняка неполная), пустая бутылка, из горлышка которой на оранжевое покрывало вытекло немного жидкости темно-лилового цвета, и пустые пластиковые стаканчики.

– А?! Что за люди? Ах, да, марш открытых врат... Открыть ворота всем и обняться... Почему они не заночевали в палатках? Ладно, ладно, уложи их в гостиной на полу. – Команданте взял серебряный поднос и принялся в него смотреться, хотя напротив кровати имелось огромное зеркало. Команданте морщился: то, что отражалось в серебряном

подносе, ему явно не нравилось.

– Уже утро, синьор. К тому же не похоже, что они будут куда-то маршировать. Старые больно. Это рен Сироткин и полковник Скотт. Так они о себе сказали.

– Что, полковник Скотт? Этот хрыч? – При таком известии сон мгновенно слетел с Тутмоса, команданте вскочил и принялся одеваться. Первым делом – ремень, на нем, как всегда, кобура с пистолетом и в кожаных ножнах – тесак. Потом брюки. – Я обещал его пристрелить. Пиф-паф, если он подойдет ко мне ближе, чем на сто шагов. Проклятье! Что ему нужно, ты не знаешь?

– Не знаю, синьор. Только рен Сироткин велел вам передать одну фразу...

– Какую? – Тутмос насторожился, даже дыхание задержал. Мигель нахмурился, почесал переносицу, потом затылок:

– Как же он сказал? Больно мудрено. Ага, сейчас вспомню. Лето вместо осени... Нет, не так. Ах да, слушайте: «Лето поменялось с осенью местами». Что бы это могло значить?

Команданте выдохнул. Но нельзя сказать, чтобы с облегчением.

– Еще он мне подмигнул, – добавил Мигель. – Мне показалось – по-дружески.

– Рен тебе подмигнул? – не поверил Тутмос. – Ладно, веди этих надоед в гостиную.

– Всех?

– Что значит – всех? Обоих. Рена и полковника. Полковника, старого хрыча, лучше убивать в доме. Так ведь?

Мигель растерянно захлопал глазами, не зная, как понимать слова хозяин. Шутит тот, или говорит серьезно.

Наконец выдал:

– С ними какая-то девица. Ее тоже...

– И девицу тоже тащи. Уж кого-кого, а девицу я точно не оставлю за воротами.

– Я так и думал! – Мигель помчался выполнять указание.

Тутмос кинулся в соседнюю комнату. Эта спальня была почти таких же размеров, что и комната команданте. Во всяком случае, кровать ничуть не уступала по габаритам ложу хозяина.

Едва скрипнула дверь, Ланьер вскочил. Был он в одних трусах, зато в руке – пистолет. Увидев команданте, Поль сел на кровать и спрятал оружие под подушку.

– В чем дело? Прибыл транспорт? – спросил Ланьер.

– Как бы не так! Прибыли рен Сироткин и полковник Скотт. Ты знаешь Сироткина? Ему можно доверять?

– Деньги можно давать в долг и на хранение. Себе не возьмет. А вот насчет тайн – не знаю. Ладно, поболтай с гостями о каких-нибудь пустяках, я скоро выйду к ним. Только про наши игрушки ни слова.

– Конечно, ни слова. Я же не дурак, как полковник! – приосанился команданте.

2

– Ничего себе поместье, – бормотал полковник Скотт, пока гости шли через холл в гостиную. – И этого человека называют бескорыстным! Видели, какие у него вазы? А люстра? А ковры? Кто за все это заплатил?

– У вас есть возможность спросить об этом у команданте, – отозвался рен Сиротин. – Впрочем, я уверен – он все это барахло мало ценит. – В отличие от своих спутников, рен свободно говорил по-испански.

– Ошибаетесь, рен, очень даже ценю, – команданте встречал гостей на пороге гостиной и отвечал по-английски. Говорил он довольно сносно, хотя и с сильным акцентом. – Особенно эту шкуру на полу. Прошу ступать осторожно. Она из Дикого мира, подарок друга, спасшего мне жизнь.

– Я бы на вашем месте носил эту шкуру на плечах, – сказал рен.

– Ого! Какая ж пуля может свалить такого зверя? – изумилась Женька.

– Двенадцатый калибр.

– Двенадцатый? – переспросила Женька. – Что же эта за пуля?

– Я имею в виду гладкоствольное охотничье оружие, – отвечал команданте, не скрывая самодовольства. – Двенадцать пуль отливаются из фунта свинца. Каждый мужчина должен

разбираться в калибрах.

– Еще скажите, что этот дом вам тоже подарили, как шкуру.

– Вы угадали. А у вас, полковник, неужели нет собственного домика? – поинтересовался Тутмос.

– У меня нет таких друзей, команданте, – отозвался Скотт.

– Я столько лет жил под открытым небом, что имею право несколько деньков понежиться в мягкой кровати и поплавать в бассейне. Впрочем, полковник, не завидуйте: завтра я отправляюсь в поход. Когда уйду, можете расположиться в моих комнатах, как у себя дома. Мне не жалко. Плавайте в бассейне, загорайте, смотрите головидео в гостиной. Хотите?

– Мы хотим серьезно поговорить, – оборвал треп Тутмоса рен Сироткин.

– Неужели вы снизошли до серьезного разговора со мной? – хмыкнул команданте.

– Ну вот! Я же говорил! – возмутился полковник. – Этот человек – дешевый фигляр, разве можно иметь с ним дело?!

– Думаю, что да, – без тени насмешки отвечал рен.

– Ого! Оказывается, рен Сироткин умеет быть мудрым! – Тутмос захлопал в ладоши. – Ну что ж, я буду говорить серьезно, только разговор этот будет кратким. Вот моя речь, я ее заготовил на тот случай, если появится мудрый человек. Итак, господа, слушайте речь, предназначенную для мудрого человека. – Команданте поднял руку и застыл в позе римского оратора. – Я чувствую, что-то не так! Я чувствую – во-

няет дерьмом. Любой из политиков, писателей и комментаторов тут же заявит: дескать, только он знает, что нам всем делать. Я же говорю: «Не знаю». Я кричу: «Оглянитесь! Задумайтесь!» Меня не слышат. Тогда я беру автомат и начинаю стрелять, тогда меня слышат. И все тоже начинают стрелять. Мы все стреляем. – Команданте замолчал и опустил руку. – Ну, как?

– По-моему, вы сказали слишком мало, – заметил рен.

– Вообще-то он ничего не сказал. Переливал из пустого в порожнее, – буркнул Скотт.

– А что после пальбы? – спросила Женька.

– Девочка все поняла! Можно я тебя расцелую, крошка? – Не дожидаясь ответа, команданте чмокнул Женьку в губы. – Так вот, господа, я вас обманул! Я знаю, что делать! Надо идти в Чичен-Ицу!

– Мы хотим к вашему маршу присоединиться, – заявил рен Сироткин. – Я даже готов пожертвовать десять тысяч евродоллов на ваше дело.

– Поразительно! – команданте не сразу нашелся, что ответить. – И что... Полковник тоже пойдет с нами в Чичен-Ицу?

– Разумеется. В первых рядах, – подтвердил рен. Полковник лишь надменно сжал губы и кивнул.

– Это какая-то шутка? – не мог поверить команданте. – Рен Сироткин в рядах моей герильи? Вы же всегда были моим рьяным противником, рен! Я уж не говорю про полковника!

– Думаю, на время нам придется объединиться, – отвечал Сироткин.

– Не получится, – пожал плечами команданте. – Вы пойдете в одну сторону, а я в другую. Даже если вам будет казаться, что вы идете за мной.

3

Поль Ланьер наблюдал встречу на экране в соседней комнате.

– Значит, рен догадался, – пробормотал герцог. – Этого стоило ожидать. Он принял приглашение. Эх, Даня, Даня, ты хоть знаешь, каков будет итог? – Потом герцог перевел взгляд на Женьку и улыбнулся. – Из этой дикарки выйдет неплохая охотница. Ей понравится в Недоступных горах.

Поль прошелся по комнате, размышляя. И хотя он давно уже все решил, и оставалось только воплотить задуманное, его смущало присутствие рена. На первый взгляд казалось, что Сироткин принял правила игры, однако Ланьер чувствовал подвох. Вряд ли рен Сироткин захочет быть марионеткой. У него наверняка тоже есть свой план действий, но какой именно – Ланьер не знал. Почти наверняка план рена не совпадает с планом герцога по многим пунктам.

Война

Глава 7

1

Утро выдалось радостное, с легким морозцем. Снег искрился, деревья закутались в белое так, что лишь кое-где проглядывали темные ветви. Каланжо никогда не видел такого леса. На той стороне не осталось уже ничего подобного. Спору нет, в Вечном мире есть множество уютных уголков, красивых мест, парков и островков леса, похожих на парки. Но чтобы вот так в ряд стояли древесные великаны, – один к одному, такого нигде не найти. Разве что в заповедниках, куда не пускают людей. Да еще, говорят, в сибирской тайге остались такие места, если сумеешь прорваться через завалы мертвого рыжего леса, оставшегося от последней войны. Но туда лишь сумасшедшие пытаются пробиться. И никто не возвращается. Никогда.

На этой стороне Каланжо не бывал зимой. Теперь в первый раз смотрел, обмирая от незнакомого почти чувства, на белые, все в инее, деревья на фоне ярко-голубого неба.

Назад в крепость ехали по знакомой дороге. В этот раз машину вел Том. Парнишка был молчалив и мрачен.

– У нас тут больше суток прошло, – сказал Каланжо. – А в крепости сколько?

Раф зачем-то посмотрел на свои механические часы.

– Часов пять. Или шесть.

– Не так много. Я думал, замедление куда больше. До бессмертия еще далеко, – заметил Каланжо.

– Пять жизней вместо одной? – удивился Димаш. – Мне бы хватило!

– Раф, неужели тебе ни разу не хотелось в наш Вечный мир заглянуть – хоть одним глазком поглядеть, каково там? А?

Раф стиснул зубы и ничего не ответил.

– Может, этой осенью с нами уйдешь? – продолжал как бы между прочим Каланжо.

– Да что там у вас такого есть? Ничего хорошего, – буркнул Раф. – Машины повсюду, шпионство. Не хочу я к вам.

– Точно не хочешь? А может, наоборот, очень-очень хочешь, только мама с папой не пускают? – хмыкнул капитан.

Раф бросил на него полный ненависти взгляд.

– Мой отец – самый лучший! – заявил. – Он – герцог. Он – первый человек в этом мире!

– Мы в этом не сомневаемся, – хмыкнул Каланжо и, похоже, этим смешком еще больше Рафа оскорбил.

– Не зовите его с собой, – сказал Том. – Кто вырос в этом мире, для того, завратного, уже не пригоден.

– Заткнись! – в ярости выкрикнул Раф. – Это, может быть,

ты не пригоден. А я смогу!

– Ну, так что, уйдем осенью? – подмигнул мальчишке Каланжо.

– Я подумаю, – Раф отвернулся и принялся смотреть в окно, чтобы ни капитан, ни сидящий рядом с ним Димаш не видели его лица.

2

У ворот крепости их встретил Хьюго. Стоял, засунув руки за широкий кожаный пояс, и смотрел, как тряский джип вползает в ворота. Двор был пуст. Лишь на башнях виднелись дозорные. Похоже, в крепости все занялись делами, даже ребятни не было видно во дворе.

– Вы что, господа, наш вездеход поменяли на этот драндулет? – ухмыльнулся начальник охраны.

– Нам надо переговорить с генералом, – заявил Каланжо, вылезая из джипа. Меньше всего сейчас он хотел давать отчет о случившемся Хьюго.

– Погодите, господа, не надо торопиться. Тут все не так просто. А где наш друг Ланьер? – Хьюго, прихрамывая, обошел джип. – Решил остаться в картофельной деревне? И вправду, там сытнее зимой, и не так хлопотно, как у нас. В крепости – куча голодных дармоедов, которыми трудно управлять, а у старосты Михала – всегда полный порядок. А почему? – Хьюго сделал паузу, словно ожидая вопроса, но никто из вновь прибывших разговор поддержать не стремился. – Потому что Михал из крепости все соки тянет, – продолжал Хьюго, сделав вид, что не заметил демонстративного молчания. – За наш счет жирует. Ну ничего, этому мы скоро положим конец.

– Ланьера похитили, – сообщил Димаш.

– Что вы сказали? Похитили? – шутовски передразнил Хьюго. – Не может быть! Он что, красна девица, чтобы его умыкать? Или ребенок? Раф! Почему ты не приглядел за дорогим братцем? Почему не объяснил ему, как опасно гулять в одиночку по нашим дорогам?

– Слушай, хватит кривляться, приятель! – одернул его Каланжо. – Где генерал?

Он выпрыгнул из джипа и направился к дому. Но Хьюго тут же заступил дорогу.

– Не надо обижаться, приятель! – сказал он. – Прежде расскажи, кто похитил вашего ненаглядного Ланьера? Кому он так понадобился? Или ты забыл, что я – начальник охраны? Мне нужно все знать.

– А нам нужно поесть! – заявил Каланжо. – Сначала накормите, а потом спрашивайте!

– Так это же вы, друзья мои, отправились за припасами! – рассмеялся Хьюго. – Что привезли, то и есть будем! Чем угостите, господа?

– Привезли два мешка картошки. Староста Михал дал, – похвастался Димаш.

– Два мешка? На всех? Это несомненный успех. Каждому достанется по картофелине. Отлично! Я потрясен вашими достижениями!

Бурлаков возник рядом. Как всегда – неожиданно и бесшумно, будто вырос из-под земли.

– Каланжо, что случилось? Где Виктор Павлович? – Он

произнес эти слова скороговоркой. Как пароль. Как будто при этом думал совсем о другом.

– По моим прикидкам, Ланьера в Валгаллу увезли, – брякнул без всяких предисловий Каланжо.

При слове «Валгалла» Хьюго так и вытянулся струной. Бурлаков же окаменел. Несколько секунд он стоял неподвижно, потом дернул подбородком:

– Идемте со мной, Каланжо.

Бурлаков так спешил, что капитану пришлось за ним бежать.

«Куда он меня ведет? – размышлял он по дороге, пытаюсь предугадать события. – В свой кабинет? В столовую? Ого! В госпиталь! Это еще зачем? Я же давно поправился, опять на больничную койку не хочу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.